

ПИСЬМА С. В. ЭНГЕЛЬГАРДТ К А. А. ФЕТУ

Часть II*
(1874—1884).

Публикация Н. П. Генераловой

51

29 января (10 февраля) 1874.

Москва, января 29.

Мой милый Фет, в письмах я буду по привычке употреблять ваш псевдоним, называл же меня Щербань Ольгой.¹ — Да, ваше письмо меня очень удивило,² знаете почему? Я спрашивала: чего же вы ждали? Почему все это не было сделано уже давно? Но, как бы то ни было, дело устроилось; остается только поздравить вас с успехом.³

Что бы вы ни говорили о деревне, я все-таки ненавижу ее, зимой в особенности, потому что не добьешься ни доктора, ни помощи вовремя. Если б брат занемог в Москве, не то было бы, что теперь.⁴ Первый удар был очень легкий, но до прихода докторов повторился. Отец мой умер в деревне.⁵ Тогда железных дорог не было, и плохо приходилось тем, которые жили во сто верстах от Москвы. Эти воспоминания внушили мне страх к захолустью. Слава Богу, что Марья Петровна вас вызнала и почуяла, что ее присутствие необходимо для вас.⁶

Вы слишком строги к роману Сальяса.⁷ О нем мало сказать *недурно*, иные места даже очень хороши. Н<a>п<ример>, мщение князя Данилы, да он и целиком хорош. Хороша и Милуша. Я не могла прочесть равнодушно сцену крестного хода в Казани. Главный недостаток романа — *Толстой*. Автор не мог от него отделаться.⁸ Сестра моя это заметила в разборе, напечатанном в «Моск<овских> ведомостях»,⁹ но Катков нашел, что она совершенно *не права*, и вы-

* Продолжение. Начало публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998.

марал все замечания, неместные для Сальяса.¹⁰ Что же однако Параша, коли не второй № Наташи?¹¹ Трудно, впрочем, указать, где Голстой в «Пугачевцах»; — нет-нет и вдруг почувешь его присутствие. Я, однако, думаю, что Сальяс выработает свое «я». — Он показал много силы в описаниях слишком часто повторенных ужасных сцен; показал тоже большое знание народного языка и народного характера.

Прочту непременно «Gog et Magog».¹² Во Франции наконец-то повышаются голоса, требующие изгнания кокоток из литературы. — Пора!

Когда вы приедете в Москву, не забывайте обо мне.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается по содержанию: роман Е. А. Салиаса «Пугачевцы» печатался в 8, 9, 10, 11 №№ «Русского вестника» за 1873 г.; в 1873 г. Фет вернул себе родовое имя Шеншиных.

¹ Возможно, в не дошедшем до нас письме Фет определил свою фамилию как литературный псевдоним, но на самом деле это была фамилия его матери по первому браку, которую Фет носил с 14-ти лет по настоянию отца, А. Н. Шеншина, вынужденного пойти на этот шаг в связи с отсутствием свидетельства о браке с матерью Фета, заключенном до его рождения. При крещении 12 декабря (30 ноября) 1820 г. Фет был объявлен законным сыном А. Н. Шеншина, но в это время мать его еще была «законной» женой И.-П.-К.-В. Фета. Бракосочетание по православному обряду А. Н. Шеншина и Шарлотты Фет (рожд. фон Гагерн) состоялось лишь 16 (28 сентября) 1822 г., вот почему в 1834 г. Фет оказался «дармштадским подданным», потерявшим русское дворянство и права на наследство. Попытки его вернуть дворянство на военной службе не увенчались успехом, и только в 1873 г. указом Александра II Фету было возвращено родовое имя и восстановлены его права «по роду и наследству». Подробнее об эт. см.: *Кожин В. О тайнах происхождения Афанасия Фета // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 322—328. С Н. Ф. Щербиной С. Энгельгардт познакомилась в начале 50-х гг., он стал постоянным посетителем салона сестер Новосильцевых. С. Энгельгардт называла Н. Ф. Щербину «крестным отцом» за то, что он придумал ей литературный псевдоним «Ольга N», отчего и называл ее Ольгой. В воспоминаниях С. Энгельгардт остался портрет Н. Ф. Щербины (*Ольга N. Из воспоминаний // Рус. обозрение. 1890. Т. 6, ноябрь. С. 85—113*).*

² Письмо Фета неизвестно.

В течение долгого времени сам Фет был уверен, что А. Н. Шеншин не был его отцом. Об этом свидетельствует его письмо к невесте М. П. Боткиной от 16 (28) июля 1857 г., где он излагал известную ему версию (см. об этом: *Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Изд. 2-е, Л., 1990. С. 4—6*). Однако, в 1873 г. появились новые обстоятельства, побуждившие поэта вернуться к этой проблеме. Вот как он изложил их в сохранившемся отрывке из письма к И. С. Тургеневу: «...Судьба решила иначе — обоих детей (т. е. племянников Фета — Петю Борисова и Ольгу Шеншину, опекуном которых он стал — *Н. Г.*) спрашивают то и дело, почему Фет тебе дядя — и выходит та же чушь в новое поколение. Приведу их к могиле дедов — тоже чулуха. — Баста! подумал я, сам я таскал это незаконное ядро всю жизнь и пятнал мать, теперь внучата будут делать то же. Между старыми бумагами отыскался указ Консistorии Орловск<ой> о браке 2 октября <18>19 года моей матери с Шеншиным по лютер<анскому> обряду за границей и метрика о рождении в с. Новоселках у р<отмистра> Шеншина сына Афанасия, переделанная 15 лет спустя в Фета, перед вступлении<ем> в Универ<ситет>. Все это мной поднесено на Высочайшую милость и вчера Долгорук<ий> уведомил меня, что гвар<дии> ш<таб>-р<отмистру> Фету возвращены именем Его Величества указом от 23 декабря — все права по роду и наследству ему как Шеншину принадлежащие. Итак, кроме литературы, Фета нет. Я чувствовал и чувствую, что обязан был это сделать, даже в видах значения опекуна» (См.: Про-

блемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 333). Сходное обоснование своего решения Фет дал и в своих воспоминаниях (*Фет А. А. Мои воспоминания*. М., 1990. Т. 2. С. 270—276). «Теперь, когда все, слава Богу, конечно, ты представишь себе не можешь, — писал Фет жене 10 (22) января 1874 г., — до какой степени мне ненавистно имя Фет... Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет...» (цит. по: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2-х тт. М., 1978. Т. 1. С. 428). Толстой, как и С. Энгельгардт, тоже был удивлен, получив известие от Фета, хотя и радовался его «мужеству распутать, когда бы то ни было»: «Я всегда замечал, что это мучило вас, и, хотя сам не мог понять, чем тут мучиться, чувствовал, что это должно было иметь огромное влияние на всю вашу жизнь» (Там же. С. 427).

⁴ Брат С. Энгельгардт Александр Владимирович Новосильцев (1822—1884) был товарищем Фета по Московскому университету и членом кружка Ап. Григорьева (см. *Фет А. А. Ранние годы моей жизни*. М., 1893. С. 154). Летом 1864 г. с ним случился удар, от которого он не оправился до конца жизни (см. письмо С. Энгельгардт к Фету от 20 сентября (2 октября) 1864 г.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год).

⁵ Описание смерти отца С. Энгельгардт, В. В. Новосильцева, содержится в воспоминаниях ее сестры Е. В. Новосильцевой, писавшей под псевдонимом «Т. Тольчовой»: Семейные записки Т. Тольчовой. М., 1865. С. 64—65.

⁶ В недошедшем письме Фет, очевидно, сообщал о перенесенном приступе удушья, которым он страдал много лет.

⁷ Речь идет о первых томах романа Е. А. Салиаса (наст. имя: Е. А. Салиас-де-Турнемир, сын Е. В. Салиас-де Турнемир, приятельницы С. Энгельгардт, писавшей под псевдонимом «Евгения Тур»; 1840—1908), которые печатались в «Русском вестнике» под названием «Пугачевцы»: т. 1 — «Бегуны» (Рус. вестник. 1873. № 8, 9); т. 2 — «Земцы и немцы» (там же, № 10, 11). Отд. издание романа вышло в 1874 г. в Москве.

⁸ Влияние Л. Н. Толстого было отмечено почти всеми рецензентами и критиками романа Салиаса, хотя этот факт оценивался ими по-разному (см., например: Русский вестник. 1874. № 4. С. 879; *Скабичевский А. Сочинения*. СПб., 1903. Т. 1. С. 768—769; *Введенский А. И. Граф Е. А. Салиас // Исторический вестник*. 1890. № 8. С. 387 и др.). Фет, однако, иначе отнесся к сравнению Толстого и Салиаса, о котором писал своей корреспондентке 2 (14) марта 1874: «Без сомнения, он человек умный, даже талантливый. Умный уже потому, что поражен Толстым. Но да хранят Вас силы неба от сравнения Сальса с Толстым. Что бы Вы сказали, если бы на Ваш восторг перед восходящим солнцем, я воскликнул: „Да, великолепно! и у меня в кармане тоже есть круглая горошина!“ — У одного все рождено, не сотворено, у другого все сочинено и собрано по лоскуткам. Чувства меры, т. е. художественного вкуса — никакого. Пусть он как умный человек окружит себя картинами G. Doré, этого модного закройщика живописных нелепостей — и скажет себе, вот куда может прийти талант, ищущий эффектов во что бы то ни стало. У него прекрасное, мастерское место въезд на колокольню, но когда он заставил героя повернуть лошадь задом, чтобы съехать вниз, — у меня и руки опустились. Что это самая крупная современная вещь в литературе — спора быть не может; но поминать при этом Толстого невозможно» (см.: *Фет А. Стихотворения*. Проза. Письма. М., 1988. С. 381—382. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: *Фет. СПП*).

⁹ Разбор романа Е. Салиаса «Пугачевцы», подписанный криптонимом «Т. Н.», был напечатан в № 18—19 (от 19 и 20 января) «Московских ведомостей» за 1874 г. Письмо С. Энгельгардт дает возможность атрибутировать эту статью Е. В. Новосильцевой (Т. Тольчовой).

¹⁰ Редактор «Русского вестника» М. Н. Катков был одновременно и редактором газеты «Московские ведомости». Несмотря на указание С. Энгельгардт, в рецензии Е. В. Новосильцевой остались некоторые замечания по поводу злоупотребления автором «кровавыми сценами» и излишними подробностями. Анализируя эпизод с жестокой шуткой, в результате которой умер турок Измаил, автор статьи замечал: «Это прадеды тех удалцов, которых граф Толстой изобразил в „Двух гусарах“. Но ухарство потешников носит уже далеко не тот характер, что разгул дедов» (Московские ведомости. 1874. № 19, 20 января. С. 4).

¹¹ Имеется в виду героиня романа Толстого «Война и мир» Наташа Ростова.

¹² О какой книге идет речь, установить не удалось.

25 января (6 февраля) 1875.

Москва, января 25.

Мой милый Фет, я восхищаюсь антологическими стихотворениями Leconte Delisle^a и посылаю вам образец его таланта.

«Héraclès au toureau»^b <...>¹

После таких стихов совестно продолжать прозой. Сегодня у нас был Мосолов — молодой,² и рассказывал, что на днях он обедал с Антокольским. Антокольский осматривал место, на котором хотят поставить монумент Пушкина, за который он, слава Богу, взялся.³ Вы видели, вероятно, его статую Ивана Грозного.⁴ Как хороша! Жаль только, что этот гнусный зверь перейдет потомству в таком виде. Антокольский едет в Рим, где он окончит Христа перед Пилатом.⁵ В иностранных журналах пишут, что 19 век не произвел ничего подобного.

Затем жму вам руку и прошу передать весточку о себе и всех ваших.

С. Энгельгардт.

Письмо датируется на основании упоминания о начале работы М. Антокольского над памятником А. С. Пушкину в 1874—75 и отъезде его из Москвы в Италию в марте 1875.

¹ Далее приводится текст стихотворения Л. де Лиля «Геракл и бык» на франц. языке.

Последние две строки этого стихотворения Леконта Делиля Фету не понравились. Откликаясь на неизвестное письмо Фета, С. Энгельгардт писала ему 20 апреля (2 мая) 1875: «Помните, я Вам послала «Héraclès au taureau». Вам не понравился стих: «Tandis que blancs dompteurs de ce soudain peril / De grands muscles roidis gonflaient son bras viril» («Пока белые укротители этой внезапной опасности / Огромные напряженные мускулы вздулись на его мужественной руке» — франц. — Н. Г.). Мне нравится «blancs dompteurs» (белые укротители — Н. Г.), но почему поэту не сказать то, что изобразил бы скульптор?» (см.: А. А. Фет. Проблемы изучения... с. 214). С. Энгельгардт выписала сборник Л. де Лиля «Les poèmes barbares» («Варварские стихотворения»), вышедший в Париже вторым изданием в 1872 г., по совету Фета, которому, в свою очередь, порекомендовал его И. С. Тургенев. В письме к Фету от 1 (13) декабря 1873 С. Энгельгардт писала: «По-моему, у этого господина замечательный талант. Какая сила выражений, какая свежесть в форме! Какие картины! Но эта поэзия пробудила в душе столько струн, до которых я не хочу дотрагиваться, разбередила такие больные места, что я решилась возвратить книгу Готье и взяла другую в обмен» (см.: Ежегодник Рукописного отдела на 1994 год).

² Очевидно, речь идет о художнике и гравере Н. С. Мосолове (1847—1914), внуке Николая Семеновича Мосолова, собирателя картин старых мастеров и знатока живописи, о которых С. Энгельгардт оставила теплые воспоминания. Мосоловы были соседями сестер Новосильцевых по Серпуховскому уезду (см.: Ольга Н. Из воспоминаний // Русский вестник. 1887. Т. 193, ноябрь. С. 160—170).

³ В 1874 г. М. М. Антокольский, находясь в Неаполе, начал работать над эскизом памятника А. С. Пушкину; приехав в декабре 1874 г. в Москву, он продолжил работу

^a Леконта Делиля (франц.).

^b «Геракл и бык» (франц.).

и сделал новый эскиз в глине, в марте 1875 г. была сделана отливка его в гипсе, после чего Антокольский вернулся в Италию. Проект памятника, представленного на конкурс, однако, не оправдал ожиданий почитателей Антокольского. Пушкин был изображен сидящим на скале, по которой к нему поднимались персонажи из его произведений: Мельник, Татьяна, Моцарт, Скупой рыцарь и др. Многоплановость композиции, отсутствие цельности и перегруженность фигурами вызвали ряд отрицательных откликов в прессе. И. С. Тургенев писал 10 (22) мая 1875 П. В. Жуковскому: «...я нахожу его проект памятника Пушкину „le sublime de tchéroukha“» («высшей степенью чепухи», франц.) (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. М.-Л., 1966. Т. 11. С. 77). Победу на конкурсе одержал А. М. Опекушин.

⁴ Статуя М. М. Антокольского «Иван Грозный» (1871) принесла ему мировую известность, за нее скульптору было присвоено звание академика, она демонстрировалась на Первой передвижной выставке в Москве и Международной выставке в Лондоне в 1872 г. Восторженную статью посвятил Антокольскому И. С. Тургенев, увидев в его мастерской статую «Иван Грозный» (см.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 30 т. Сочинения. М., 1982. Т. 10. С. 259—261). Позднее Антокольский создал бюст Тургенева.

⁵ Имеется в виду статуя Антокольского «Христос перед судом народа», выполненная в 1876 г. в мраморе и отлитая в бронзе в 1878 г. На Всемирной выставке в Париже в 1878 г. Антокольский был награжден почетной медалью и орденом Почетного легиона. Возможно, в первоначальном замысле скульптура носила название «Христос перед Пилатом». «Это вполне гениальная вещь, — писал Тургенев, — Из-за одной этой статуи стоит сюда приехать» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 28 т. Письма. М.-Л., 1966. Т. 12, кн. 1. С. 279). Простота и человечность образа Христа, однако, не всеми были приняты как достоинства статуи. Косвенное мнение о ней находим у Фета: «Вы подчеркиваете в вашем Христе еврея, плотника, странника на счет царя и Господа, которого требует идея, и отгоняете лучшего вознестись в безотносительное, в ту же тесноту, от которой он уповал уйти. Ваша будничная правда становится в искусстве клеветой. Ведь искусство — праздник жизни...» (см.: Фет А. А. Предисловие и комментарии ко II-й части «Фауста» Гете / Публикация Н. П. Генераловой: 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета. Сб. научных трудов. Курск, 1996. С. 75—76).

53

26 августа (7 сентября) 1875.

Москва, августа 26.

Мой милый Фет,

Посылаю вам мои переводы.¹ Исправленное издание не дошло еще до Москвы и долго пролежит в цензуре, потому вы получите экземпляр, перемаранный моей рукой. Я переделала все то, что вы уже читали два года тому назад;² но вы строгий судья, и вряд ли я на вас угодила. Как бы то ни было, — прочтите и скажите ваше мнение. Начните с «Египетских ночей».³

Все, что вы рассказываете о пожарах, ужасно, но не удивляет меня. В рязанской губ<ернии> пожары ежедневные; на днях наши знакомые Щербачевы⁴ приехали из Орловской губ<ернии> (уезда не помню) — и рассказывали, что каждый день в 11 часов вечера где-нибудь вспыхивал пожар. Многих поджигателей оправдают, других сошлют на несколько лет в Сибирь; они вернуться в добром здоровье и опять примутся за свое ремесло.⁵

Не можете ли вы мне прислать адрес графа Толстого, автора «Потока Богатыря»?⁶

Скажите, как его зовут *по батюшке*. — Вот еще просьба. Где вы берете воду для глаз? Вам ее давала купчиха.

Жду вашего ответа. Прошу передать мой поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Московско-Курской железной дороге, полустанция Еропкино.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 27 авг. 1875.

2) Моск. центральный отделение, 27 авг. 1875.

¹ Речь идет о переводах С. Энгельгардт на французский язык нескольких произведений А. С. Пушкина, которые вышли в Париже в 1875 г.

² С. Энгельгардт нередко просила Фета просмотреть переводы на французский язык с русского или с русского на французский, выполненные ею или ее сестрой Е. В. Новосильцевой (псевд. Т. Толычова). Обсуждались они и в устных беседах. Так, 19 ноября (1 декабря) 1871 она писала: «Монолог из „Скупого рыцаря“ я перевела и посылаю вам, не изменив стиха, о котором мы спорили...» (См.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 211. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Фет. Проблемы изучения...* с указанием страницы).

³ Помимо «Египетских ночей» А. С. Пушкина, в издании 1875 г. вошли: «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери» и «Скупой рыцарь». О переводе «Египетских ночей» см. письмо С. Энгельгардт к Фету, помеченное сентябрем 1871 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год).

⁴ Возможно, семья композитора Н. В. Щербачева.

⁵ В это время в России расширилась сеть революционных организаций, готовивших террористические акты, что вызвало ответные меры правительства.

⁶ Стихотворение А. К. Толстого «Песня о Потоке-Богатыре» было впервые напечатано в «Русском вестнике» (1871. № 7) без трех последних строф, с добавлением заключительной строфы. Правка была внесена Толстым по совету М. Н. Каткова. Выразив в «Потоке-Богатыре» свои социально-политические взгляды, Толстой изобразил здесь в сатирической форме современных нигилистов, чем заслужил порицание в среде революционеров и либералов и одобрение в охранительных кругах.

29 сентября (11 октября) 1875.

Сентября 29.

Мой милый Фет,

Что вы молчите? Что у вас делается? Получили ли вы мое последнее письмо? — Вы мне обещали адрес купчихи, которая лечит глазные болезни, и не прислали. Если вы достали этот адрес, пришлите его, пожалуйста.

Мне сказали, что жена Толстого очень больна и отправляется с ним за границу.¹ Так много врут и лгут, что я уже не верю никакому слуху, но вы должны знать, насколько тут правды. Напечатает ли он в «<Русском> вестнике» вторую половину «Анны Карениной»?²

Вот вам еще вопрос: кто управляет именем вашей воспитанницы? ³ Я полагаю, что вы не можете им заниматься без помощи хорошего управляющего. Есть ли у вас такой управляющий?

Вымолвите словечко. Здорова ли Марья Петровна? Скажите ей, что Катерина Сергеевна Бородина ⁴ провела лето в Москве, у своей матери в Голицынской больнице. Она еле жива, бедняжка так счастлива, что страшно боится смерти. Я уже не говорю об ее бедной матери и о муже, но все, кто только ее знал, жалеют об ней и боятся за нее.

С. Энгельгардт.

Чем кончился роман Оли с соседом?

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Фету. На Московско-Курской железной дороге, полустанция Еропкино.

Почтовые штемпели: 1) Центр. Моск. Отделение, 30 сент. 1875;
2) Моск. Южная железная дорога, 30 сент. 1875.

¹ Жена Л. Н. Толстого Софья Андреевна после смерти 10-ти месячного сына в феврале 1875 г. долго не могла оправиться и была больна «какой-то другой, непонятной лихорадкой» (письмо Толстого к Фету от 30, 31 марта (11, 12 апреля) 1875 г. См.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 437). Летом Толстой повез жену в Самарскую губернию, откуда они вернулись в конце августа по ст. ст. За границей Толстые в это время не были.

² Роман «Анна Каренина» печатался в «Русском вестнике» с большим перерывом. Первые 14 глав — в № 1 за 1875 г., продолжение — в №№ 3—4, следующие главы начали печататься с январского выпуска 1876 г., последние же главы лишь в первых номерах за 1877 г. По поводу романа Толстого между С. Энгельгардт и Фетом возникли споры, частично отраженные в письмах корреспондентки от 20 апреля (2 мая) и 19 (31) мая 1875 г., где она высказала ряд замечаний, вызвавших у Фета горячий отпор. В частности, С. Энгельгардт писала, что в таланте Толстого нет «той обаятельной прелести, которая была нам так дорога в прежних повестях Тургенева», что «у Толстого нет идеала...», а его «идеал Левин» «просто невыносим» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 213). В недошедшем письме Фет решительно противопоставил Толстого и Тургенева не в пользу последнего, увидев почти во всех его произведениях тенденциозность и надуманность (Там же. С. 214—215). Замечания С. Энгельгардт, очевидно, запомнились Фету, который в письме к Толстому от 11 (23) марта 1877 г. продолжил полемику, хотя и не назвал имя своей корреспондентки: «„Как жаль, что у Толстого нет идеалов!“ На это я даже не нашелся, что сказать: „Ему буйволица — дорожке передовой женщины“. Надо было отвечать: „Потому что буйволица в своем роде совершенство, а Ваша передовая женщина — черт знает что!“» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 464. Здесь же содержится еще одно «воспоминание» — о споре с С. Энгельгардт по поводу «Казак»).

³ Речь идет о племяннице Фета Ольге Васильевне Шеншиной (в замуж. Галаховой, 1858—1942), над которой Фет оформил опекунство в 1871 г., после смерти ее опекуна И. П. Борисова. Несколько лет поэт упорно занимался воспитанием девочки, взятой из пансиона, но в 1877 г. отказался от опекунства. Ольга Васильевна получила по наследству с. Клейменово, в котором когда-то родился Фет. Здесь же он был похоронен в 1892 г. в Покровской церкви, выстроенной Галаховой.

⁴ Е. С. Бородина (рожд. Протопопова, 1832—1887) — с 1863 жена композитора А. П. Бородина, талантливая музыкантша, концертировавшая в Европе, давняя знакомая Фетов и С. Энгельгардт.

22 апреля (4 мая) 1877.

Апреля 22, Москва.

Мой милый Фет, как жаль, что вы не в Москве! Со дня объявления войны¹ флаги развеваются на всех улицах, составляются комитеты в пользу раненых, все принимают в них участие и на всех радостные лица. Россия не запомнит такой войны. И какое славное у нас войско! Люди недоброжелательные распускают разные слухи, что будто в нем и следов не осталось прежней доблести, а на деле выходит, что в несколько дней оно уже сделало чудеса. Легко ли было провезти артиллерию на протяжении ста верст, по непроходимым дорогам. Наш Юрий² в Кишиневе, служит при Красном Кресте и пишет с восторгом о всем, что он видит и слышит. Наконец, французские и английские корреспонденты не нахвалятся нашей армией. Французы писали: «Avec une armée comme celle-ci on pourrait conquérir le monde entier».³

Слава Богу, *немногие* из наших дам забыли о войне для знаменитого Росси;⁴ зато эти *немногие* нас срамят; догоняют его на улице, *представляют* ему своих дочерей, а дочери стоят перед ним, на вечере, например, и смотрят на него разиня рот. Стихотворение, которое он внушил Аверкиеву,⁵ перенесло меня своей изящностью в глубокую даль. У Голохвастовых⁶ был нахлебник, доморощенный поэт Иван Алексеевич Добров. Он написал по случаю рождения сына Дмитрия Павловича:⁷

В дом Голохвастова поспешно
Спешите, Грации, скорей
И на малютку преутешно
Стремитесь взорами быстрей.

Что вы скажете о «Нови»?⁸

Здоровы ли вы? Оля очень понравилась Оболенским и Шатиловым.⁹ Первый шаг в свет труден, но будущей зимой она уже встретит старых знакомых в московских кружках, и ей будет весело. Моя племянница еще у нас,¹⁰ но едет на днях в деревню. Она поручает мне передать поклон Оле.

От всей души жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Если Марья Петровна не забыла, что я <есть> на свете, поклонитесь ей от меня.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога, полустанция Еропкино.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 23 апр. 1877;
2) Моск. Центр. Отделение. 23 марта 1877.

^a «С такой армией можно победить весь мир» (франц.).

¹ Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.

² Юрий Александрович Новосильцев, сын А. В. Новосильцева, племянник С. Энгельгардт.

³ Позднее стало очевидно, что Англия и Франция в русско-турецкой войне подерживали Турцию. «Я не могла читать их возмутительные статьи о *бедном больном человеке*: так было принято называть Турцию», — писала С. Э. Фету 9 (21) октября 1878 (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 217).

⁴ Итальянский трагик Эрнесто Росси (1829—1896) в это время гастролировал в России.

⁵ Д. В. Аверкиев (1836—1905) в 70-е годы был театральным рецензентом газеты «Московские ведомости».

⁶ Имеется в виду семья Д. П. Голохвастова (1796—1849), двоюродного брата А. И. Герцена, помощника, затем попечителя Московского учебного округа в 30-х—40-х гг. Женой его была родная сестра С. Энгельгардт Надежда Владимировна (рожд. Новосильцева). В их доме С. Энгельгардт часто бывала.

⁷ См. примеч. 6 к наст. письму.

⁸ Роман И. С. Тургенева «Новь» был впервые опубликован в 1, 2 номерах «Вестника Европы» за 1877 г. Говоря о судебных процессах над революционерами, Фет писал Толстому 9 (21) марта 1877: «Там судят на казенный счет червонных валетов, которые разбросали по всем слоям общества свои карты, а тут Тургенев в „Нови“ выставляет их единственно нравственными людьми среди общего сброда негодяев и дураков» Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 463). В письме к Толстому от 11 (23) марта того же года Фет называет роман Тургенева «Евангелием червонных валетов» (Там же. С. 465).

⁹ Фет вывозил О. В. Шеншину в свет и частично поручил ее заботам С. Энгельгардт, у которой была племянница приблизительно того же возраста. Шатилов И. Н. (1824—1889) — помещик Тульской губернии, образцовый хозяин, знакомый Фета и Толстого. Оболенский — возможно, Д. Д. Оболенский (р. 1844), тульский помещик, знакомый Фета и Толстого.

¹⁰ Племянница, которую в семье звали Нуня, была дочерью А. В. Новосильцева.

56

11 (23) мая 1877.

Мая 11.

Мой милый Фет, 3 мая прошло, так как я вас не видала, я надеюсь, что вам лучше и что вы остались в деревне. Если вы хорошо себя чувствуете и останетесь в Степановке, напишите мне об этом *два слова*. Во-первых, мне хочется убедиться, что вам лучше; я помню, как вы страдали тому назад лет 5, во-вторых, есть другая причина. Один знакомый мне господин собирается в вашу сторону и желает побывать у вас.¹ Я ему обещала рекомендательное письмо. О войне мы лучше говорить не будем.² — Если б у вас была любимая дочь и вам бы дали на выбор — видеть ее опасно больной на время или обесчеченной навсегда, — что бы вы выбрали? Наверное, болезнь. Россия воспримет после войны. Я в этом убеждена. За ней останется бессмертная слава, точно так, как за Англией останется бессмертный позор.

Анна Каренина умерла; через месяц мы будем ее хоронить.³ Не в праве ли я была, говоря, что всякая женщина полюбила бы Вронского скорей, чем Левина?⁴ Вронский прелестный человек.

От всей души жму вашу руку. Передайте вашим мой поклон.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется упоминанием о появлении в печати последних глав романа Толстого «Анна Каренина».

¹ О ком идет речь, установить не удалось.

² Отношение Фета к русско-турецкой войне было сложным: он был далек от патристической эйфории славянского движения и считал, что война нанесла России огромный материальный ущерб, от которого она долго не оправится. Поэт, однако, очень внимательно следил за ходом военных действий, тем более, что в болгарском походе участвовал его брат Петр Афанасьевич. Откликаясь на «строгий отзыв о России» в связи с войной и общей политической ситуацией, С. Энгельгардт писала Фету 9 (21) октября 1878: «Пошлее нашей политики нет ничего на свете, но мы не лжем, не интригуем, не обманываем бессовестно; не жертвуем миллионами человеческих жизней за несколько сотен ливров стерлингов» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 218). «Под какие международные права подведет Комаровский (Л. А. Комаровский — профессор международного права Московского университета — Н. Г.) теперешний турецко-европейский менуэт? Вот кабы русачки взяли Вену, Дарданеллы да Царьград, вот бы и были права, и историки бы доказали как 2 × 2, что иначе не могло быть, а если мы чего не досчитаемся, то Аксаков (И. С. Аксаков, принимавший активное участие в создании славянских комитетов и пропаганде дела освобождения болгар — Н. Г.) нам не поможет» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 471).

³ Седьмая часть романа «Анна Каренина», завершающаяся смертью Анны, была опубликована в апрельском номере «Русского вестника» за 1877 г. Очевидно, С. Энгельгардт ожидала, что в следующих номерах появится окончание романа, но восьмая часть (эпilog) была впервые напечатана лишь в отдельном издании 1878 г.

⁴ С. Энгельгардт напоминает Фету свое суждение, высказанное в письме от 20 апреля (2 мая) 1875: «Я опять хочу покаяться перед вами: Левин невыносим! Я, не обинуясь, предпочла бы ему Вронского. Всякая добросовестная женщина сказала бы вам, что она разделяет мое мнение <...> Природу не переспоришь, не обманешь, не уломаешь никакими проповедями и доказательствами...» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 213).

57

7 (19) января 1878.

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.
ГОРОДСКОЕ>

Мой милый Фет, я была сегодня у вас, в гостинице Миклошевского, и мне сказали, что вы съехали неизвестно куда. Здоровы ли вы и долго ли пробудете в Москве?

С. Энгельгардт.

На почтовой открытке: Его Высокоблагородию Дмитрию Петровичу Боткину. В собственном доме, у Покровских ворот. Для передачи А. А. Шеншину.

Почтовый штемпель: Москва, 7 января 1878 г.

16 (28) января 1878.

Москва, января 16.

Мой милый Фет,

Я получила ваше письмо и сей час отвечаю, начиная с того, что отвратительные намерения вашей племянницы не могут быть серьезны.¹ Ее же друзья ей докажут, что не только она осрамится навсегда, но останется в убытке, ибо должна будет заплатить за *dommages intégrets*.² Она уже и так осрамлена; довольно. С Вяземским я не говорю,² но просила его тетку узнать от него, когда Ольга В. намерена начать с вами процесс. — Он отказался от своих *собственных* слов, уверяя, что он об этом и знать не знает, но слышал кто-нибудь, *должно быть*, об этом предполагаемом процессе у Баратынских.³ Баратынские, как и многие, возмущены против вашей племянницы. — А вы не думайте об ней, ради Бога; займитесь вашим домом,⁴ вашими книгами; друзья у вас есть, и все люди хорошие. Конечно, тяжело, я это вполне понимаю, но верьте мне, чтоб забыть о дряни есть одно только средство, а именно: заняться хорошим. Процесс начинают на каком-нибудь основании, а тут основания нет. Она так и останется при благородном намерении сделать гадость.

Я читаю журналы с упоением и надеюсь, что условия мира будут вполне достойны нас. Ненависть, которую мы внушаем, доказывает, что Европа нам завидует и нас боится.

Меня очень интересует книга, только что вышедшая в свет: «*Rabelais et son oeuvre*».⁵ Самого Rabelais я не читала; во-первых, язык непонятный,⁶ во-вторых, столько было говорено о цинизме автора, что мне не хотелось с ним познакомиться. Fleury познакомил меня с ним. Он его объясняет, рассказывает содержание книги до малейших подробностей, выписок много. Какой был замечательный человек и какой талант!

Нуня, моя племянница, благодарит вас за память и просит меня вам передать поклон. Я принялась за перевод «Дон Жуана»,⁷ и очень боюсь, что с ним не слажу. Когда кончу первую сцену — пришлю вам, и если вы будете ей довольны, то буду продолжать: если же нет — сожгу. — Скажите Марье Петровне, что я ее целую от всей души; вам крепко жму руку. В свободную минуту напишите.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Московско-Курской железной дороге, станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 16 января 1878;
2) Моск. Почт. Центр. Отделение, 19 января 1878.

¹ убытки (*франц.*).

⁶ «Рабле и его творчество» (*франц.*).

¹ О. В. Шеншина, остановившись на несколько дней в Москве в пансионе г-жи Эвениус, сообщила Фету, что не желает возвращаться к нему домой, на что Фет принял решение отказаться от опеки и попечительства. Процесс, который, судя по письму, собиралась вести с Фетом О. Шеншина, был связан, возможно, с денежными расчетами, поскольку в качестве опекуна он распорядился ее наследством, в том числе и с. Клейменовым. Отношения с О. Шеншиной настолько повлияли на состояние Фета, что он принял решение расстаться со Степановкой, благоустройству которой отдал много сил и времени: «Так неожиданно разыгралось событие, еще раз указавшее мне наглядно, что жизнь причудливо уводит нас совершенно не по тем путям, которые мы так усердно прокладывали и расчищали. Ошибался ли я, или во мне говорило инстинктивное чувство самосохранения, но я вдруг почувствовал себя окруженным атмосферой недоброжелательства, резко враждебного моим наилучшим инстинктам. Мирная, отстроенная, обросшая зеленью Степановка сделалась мне ненавистна. Я в ней задыхался» (*Фет А. Мои воспоминания*. М., 1890. Т. 2. С. 329). Позднее поэт помирился с племянницей и оставил ей значительную часть наследства.

² Вероятно, речь идет о П. П. Вяземском (1820—1888), сыне П. А. Вяземского (1792—1878). О какой тетке Вяземского идет речь, установить не удалось.

³ Имеются в виду, очевидно, родственники Е. А. Баратынского (1800—1844).

⁴ Осенью 1877 Фет продал Степановку и купил имение Воробьевку в Щигровском уезде Курской губернии со старинной усадьбой и прекрасным парком.

⁵ Речь идет о книге: *Fleury J. Rabelais et son oeuvre*. Paris, 1876—1877. V. 1—2.

⁶ Книга Ф. Рабле написана на старофранцузском языке.

⁷ Речь идет о переводе на французский язык драмы А. С. Пушкина «Каменный гость» (1830). Отзыв Фета об этом переводе неизвестен.

17 (29) марта 1878.

Марта 17.

Мой милый Фет,

Пишу к вам по просьбе брата.¹ Он прочел сегодняшнюю статью о 19 февраля и был сильно тронут неожиданным концом. Действительно — две картины поразительны, — радостное «Ура», чудное освобождение края, — а там, в греческом доме, одинокий и неподвижный лежал князь Черкасский и т. д.² Какой мотив для лирического стихотворения! Брат просит вас написать стихотворение. — Напишите! — Если напишете, посвятите его брату, это ему будет очень приятно, — и пришлите стихотворение просто ко мне. Оно будет напечатано в «М^{осковских} ведомостях».³ Если вас внушил ваш медный бюст,⁴ я надеюсь, что вас внушит картина действительно поразительная.

Буду ждать с нетерпением вашего первого письма. Племянница моя шлет вам поклон. Все мы желаем вам всего лучшего.

С. Энгельгардт.

Я сама отдам стихотворение Каткову,⁵ а в лапы Любимова⁶ оно не попадет. Как бы мне хотелось, чтобы на вас слетело вдохновение.

На конверте: Его Высокоблагородию Афансию Афанасьевичу Шеншину. На Московско-Курской железной дороге, станция Будановка.

- Почтовые штемпели:* 1) Моск. Почт. центр. отделение, 18 марта 1878;
2) Почт. вагон № 15, 18 марта 1878.

¹ Имеется в виду А. В. Новосильцев, с которым Фет поддерживал дружеские отношения. См. письмо 51, примеч. 4.

² 19 февраля (3 марта) 1878 в Сан-Стефано был подписан мирный договор между Россией и Турцией, который позднее был изменен под давлением европейских держав в пользу Турции. В этот же день в Сан-Стефано умер видный деятель крестьянской реформы кн. В. А. Черкасский (1824—1878), возглавлявший во время русско-турецкой войны гражданское управление в Болгарии. Под «статьей о 19 февраля» С. Энгельгардт, очевидно, имеет в виду речь председателя Московского славянского благотворительного общества И. С. Аксакова, произнесенную 5 марта и посвященную памяти кн. Черкаского. В ней, в частности, говорилось: «Учредитель и организатор этой новой сотворенной Россией Болгарии сражен внезапно нервным ударом в селении Сан-Стефано, в виду Царьграда и Святой Софии, 19 февраля, в самый день подписания мирного договора». В своей пространной речи И. Аксаков вспоминал и заслуги Черкаского в деле освобождения крестьян (Московские ведомости. 1878. № 70, 16 марта. С. 4—5).

³ Об этом предложении Фет писал Толстому 20 марта (1 апреля) 1878: «Со страхом жду газет <...> Я задавал этот вопрос Каткову, то есть к чему приведут нас победы, если такие и будут? Нам не дадут никаких плодов, ни для себя, ни для других. На это он отвечал: „Влияние Англии на Востоке пало“. А что скажет он об этом влиянии, если оно восторжествует даже над очевидными для всего света победителями? И вот под этими неизменными впечатлениями получаю письмо от Энгельгардта (так в тексте! Публикатор допустила ошибку в прочтении фамилии — речь идет о С. В. Энгельгардт — Н. Г.): напиши я для „Московских ведомостей“ стихи на смерть Черкаского. Я, разумеется, отвечал, что это мне не по силам. И этот раз правда» (См.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 14—15).

⁴ С. Энгельгардт намекает на стихотворение Фета «К бюсту Ртищева в Воробьевке» («Прости меня, почтенный лик...»), посвященное основателю Воробьевки. В недошедшем письме Фет, очевидно, послал текст стихотворения, как он сделал это в письме к Л. Н. Толстому от 28 февраля (12 марта) 1878 (Там же. С. 12—13).

⁵ М. Н. Катков, редактор «Русского вестника», был одновременно и редактором газеты «Московские ведомости». С. Энгельгардт, как и ее сестра Е. В. Новосильцева (псевд. Т. Тольчова) печатались в журнале Каткова и поддерживали с ним дружеские отношения.

⁶ Н. А. Любимов (1830—1897) был ближайшим сотрудником М. Н. Каткова по «Русскому вестнику» и «Московским ведомостям». В письмах к Фету С. Энгельгардт нередко упоминала о дурном влиянии, которое оказывал Любимов на Каткова (см. письмо от 27 мая (8 июня) 1865 и примеч. 4 к нему: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год).

Мой милый Фет,

Я была очень больна, так больна, что не думала выздороветь: теперь еще не совсем оправилась и вот шесть недель не выхожу из дому, несмотря на хорошую погоду. И на сердце грустно. Юрий вернулся из-за границы в августе, надеясь провести зиму в Москве, но молдавская лихорадка не отстает от него, и он принужден ехать

обратно в Ментон.¹ Заграничная жизнь для него ссылка, он ее терпеть не может, и нам нелегко с ним расставаться. — Просто тоска.

Я слышала, что Тургенев был в вашей стороне.² Как он настроен? Что говорит о войне и о невероятных подвигах наших войск? За границей нас ненавидят более, чем когда-нибудь, потому что нам завидуют. Юрий говорит, что там русскому дышать нельзя, что воздух заражен этой ненавистью, — а Тургенев-то какую корчист физиономию, когда нас ругают и, должно быть, не стесняясь его присутствием.³ При других стесняются, по крайней мере. — Там превозносят до небес г-жу Засулич и ее приятелей и приятельниц.⁴ Называют ее *Vierá*.^a Бисмарк сказал: «La France a une agonie folâtre».⁶ — Как это умно! — У французов, по-моему, в настоящее время только два писателя, два мыслителя, Renan et Taine.^b Taine, должно быть, не вполне француз. Я подозреваю, что мать его не была безгрешна. «Les origines de la France contemporaine»^c — такое, во всех отношениях, произведение, что французы были бы не прочь сжечь автора на костре.⁵ Отрицать то, что он пишет, невозможно, а согласиться с ним — жутко. Повести в «Revue des deux Mondes» отвратительны. Авторы ничем не отличаются друг от друга. Один слог, одни лица. Эта фабрикация повестей доказывает, что французы потеряли окончательно всякое литературное чутье.⁶ — А что Толстой? Пишет ли он что-нибудь? — Прочли ли вы статью сестры о Некрасове в «Русском вестнике»?⁸

Передайте мой поклон Марье Петровне — от всей души жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по содержанию: упоминание дела В. Засулич и статьи Е. В. Новосильцевой о Некрасове в «Русском вестнике».

¹ Племянник С. Энгельгардт Ю. А. Новосильцев во время русско-турецкой войны служил при Красном Кресте в Кишиневе, см. письмо 55.

² И. С. Тургенев пробыл в России с 27 июля по 6 сентября ст. ст. 1878 г.

³ Еще во время сербо-турецкой войны 1876 Тургенев писал П. В. Анненкову 18 (30) августа: «Что касается до несчастных сербов, то их страдания вызвали во всей Европе — даже во Франции — странный факт наружу (не слишком, однако, странный) — а именно тот, что нас, русских (и славян), везде ненавидят и никакого к нам другого чувства не питают» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма М.; Л., 1966. Т. 11. С. 309*). Свое отношение к зверствам турок на Балканах и к попустительской позиции Англии в этом вопросе Тургенев высказал в стихотворении «Крбкет в Виндзоре» (1876), которое было запрещено даже русской цензурой и разошлось по всей России в списках. Оно было переведено на европейские языки и напечатано во Франции и в Америке. Что касается дальнейшего хода событий на Балканах, то отношение Тургенева к ним было схожим с тем, что высказывали Фет и Толстой: опасения, что Россия не получит никакой компенсации за свои героические усилия по спасению болгар от турецкого ига и окажется на пороге банкротства, заставляли их скептически оценивать итоги этой войны. 21 января (2 февраля) 1878 Тургенев писал Анненкову: «Вы знаете, какой я слабый „chauvin“ („шовинист“ — франц.) и славянофил; но я сам начинаю желать, чтобы мы пошли к Константинополю — что ли!» (Там

^a Вера (франц.).

⁶ «Франция находится в игровой агонии» (франц.).

^b Ренан и Тэн (франц.).

^c «Происхождение современной Франции» (франц.).

же. Т. 12, кн. 1. С. 268). А уже после подписания перемирия Тургенев констатировал: «Самое курьезное <...> во всем этом деле — ненависть и зависть, которую ощущают теперь в отношении к нам все французы без исключения» (Там же. С. 279).

⁴ 24 января (5 февраля) 1878 г. В. И. Засулич совершила покушение на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Приговором суда присяжных заседателей 31 марта (12 апреля) 1878 г. она была оправдана. Общественное мнение, как в России, так и за границей, резко поляризовалось в оценке решения суда. Любопытно, что во многих публикациях проводилась параллель между Засулич с Марианной из «Нови». Так, ведущий критик «*Revue des deux mondes*» G. Valbert писал: «Поэты являются провидцами; Иван Тургенев угадал Веру Засулич, когда писал героиню своей «Нови», Марианну Викентьевну, которая поклялась принести себя в жертву московитскому Молоху» (*Revue des deux mondes*. 1878. Т. 27, livr. de 1 mai. P. 220).

⁵ Выделяя из всей французской литературы Э. Ренана и И. Тэна, С. Энгельгардт прежде всего имела в виду их философские и общественно-политические взгляды, наиболее ярко высказанные ими в сочинениях этого периода. В своем фундаментальном труде «*L'Histoire des origines du christianisme*» («История происхождения христианства», 1863—1883), в своих «*Dialogues et fragments philosophiques*» («Философских диалогах и отрывках», 1876) Ренан, с позиций скептицизма, утверждал значимость религиозных воззрений в общем ходе цивилизации, видел в христианстве основы современной нравственности и протестовал против усиливавшегося революционно-демократического движения. Эволюционировавший после Парижской коммуны в стороны консерватизма И. Тэн (1828—1893) в 1878 г. выпустил второй том своего знаменитого труда «*Les origines de la France contemporaine*», который назывался «*La Révolution*» («Революция»). Первый том — «Старый порядок» («*L'Ancien régime*») вышел в 1875 г. Здесь Тэн дал правдивую историю Французской революции 1789—1794 гг., вскрывая ее буржуазный характер и разрушительный пафос. Оба мыслителя с опасением и неприязнью писали о склонной к бессмысленным поступкам «толпе», противопоставляя ей мыслящую личность.

⁶ Уровень беллетристического отдела в эти годы в «*Revue des deux mondes*» был действительно невысок. Здесь печатались довольно пошлые и банальные романы и повести В. Шербюльза, А. Терье, Т.-Б. Альдриха и др. второстепенных авторов.

⁷ В то время Л. Н. Толстой работал над романом «Декабристы», который не был завершен.

⁸ Статья Е. В. Новосильцевой «Поэзия Некрасова» была опубликована в майском номере «Русского вестника» за 1878 г. за подписью «Т. Толычова». В том же номере был опубликован очерк М. Ф. Де-Пуле «Николай Алексеевич Некрасов», что было вызвано желанием редакции «Русского вестника» высказаться за определенных позиций по поводу роли и места Некрасова в современной литературе уже после смерти поэта, последовавшей 27 декабря 1877 г. (8 января 1878 г.). Противопоставление Фета как представителя «чистого искусства» Некрасову, поэту «народному», было обычным в современной демократической критике. Сочувственно цитируя отзыв о «гибельности» влияния поэзии Некрасова на литературу, Е. В. Новосильцева затронула в своей статье вопрос о народности, вступив в полемику с Ф. М. Достоевским, который назвал Некрасова в своем «Дневнике писателя» «печальником народного горя». Искусство, с точки зрения автора статьи, «иначе существовать вовсе не может», как только само для себя (Русский вестник. 1878. Т. 135. С. 350). «Предвзятая мысль, задуманная заранее цель стесняют свободу его (художника — Н. Г.) порывов, парализуют его мощь» (Там же. С. 351). Опровергая мнение «Вестника Европы» о том, что стихотворения Некрасова были писаны, как и «Записки охотника» И. С. Тургенева, «ради народа», Е. Новосильцева, соглашаясь с оценкой большого влияния книги Тургенева, причину этого влияния находила именно в том, что Тургенев «писал тогда исключительно ради искусства» (Там же. С. 366). Заключая статью, она делала вывод: «Дело в том, что народность поэзии Некрасова не была правдой. Это была подделка. Когда поэт был подтянут и застегнут, то есть когда он, говоря словами г. Антоновича, „творил холодно, обдуманно и строго тщательно, с определеною, наперед намеченною целью“, он выдвигал из народа, хотя не всегда верные, но казистые фигурки. Но невозможно требовать от человека постоянной обдуманности. Приходят минуты забвения, минуты бессознательности, когда подделка уступает место правде, актер человеку. Под влиянием таких минут Некрасов не мог видеть и не мог догадываться, что колорит его

картин быстро меняется, что вместо трогательных сцен, вместо хороших крестьян являлись перед публикой люди, которым предстоит лишь три дороги:

„Кабак, острог да каторга“.

Актёр не выдержал роли» (Там же. С. 385). Отзыв Фета о статье Е. Новосильцевой неизвестен.

61

26 октября (7 ноября) 1878.

Москва, октября 26.

Мой милый Фет, знаете, что вы спорите недобросовестно? Вы мне выставляете напоказ всевозможные безобразия и спрашиваете: *и это я должен хвалить?*¹ — Кто же это похвалит? Всякий порядочный человек должен выть, рвать на себе волосы и жалеть, что не умер вовремя, чтоб не видеть этих беззаконий. Но за что же вы восстаете против сестер милосердия н<апример>. Они совершали подвиги самопожертвования и достойны всяческих похвал. Я это знаю от людей далеко не преубежденных, не увлекającychся, скорей холодных. Молодежь наша показала истинную любовь к родине, вся рвалась за Дунай. Как же ей не отдать справедливости? — Подумайте, давно ли мы стали русскими? Россия единственная страна в мире, которая не развивалась постепенно. Вопреки законов природы ее остановили на пути естественного развития, стали ее ломать и рубить топором и приказали ей онемечиться. Разумеется, все у нас и пошло кривь и вкось. В настоящее время нельзя бранить Россию именно за недуг, который постиг всю Европу. Нигилисты, денной разбой, мы их видим везде: во Франции, в Германии, в Англии, в Испании. Надо надеяться, что эта зараза пройдет, потому что мир не может существовать на таких условиях. Нравственный элемент должен взять верх над беспорядком и беззаконием. Петербург, как и все центры, заражен эгоизмом и развратом, и мне жаль, что вы не спустили с лестницы вашего гостя генерала.² — Не все же генералы таковы. Ведь Гурко, Радецкий, Скобелев тоже петербургские генералы.³

Если вы получаете «*Revue des deux mondes*», то прочтите статью Саго в сентябрьской книжке: «*La poésie scientifique au XIXme siècle.*»^{4a} Вот как они понимают искусство!

Я передала моей племяннице ваш поклон и еще не получила ее ответа, но могу вам сказать, что вы ей чрезвычайно симпатичны, и она будет очень рада, что вы об ней вспомнили.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется на основании упоминания статей в «Русском вестнике» и в «*Revue des deux mondes*».

^a «Научная поэзия в XIX столетии» (франц.).

¹ В письме продолжается спор с Фетом по поводу состояния дел в России в период русско-турецкой войны. Фет, настроенный в это время чрезвычайно скептически, указывал на неуместность восторженной оценки С. Энгельгардт хода военных действий и настроений русского общества. См. также письма 56, 59, 60 и примеч. к ним.

² О ком идет речь, установить не удалось.

³ Генералы И. В. Гурко (1828—1901), Ф. Ф. Радецкий (1820—1890), М. Д. Скобелев (1843—1882) командовали русскими войсками во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., особо отличились в боях под Шипкой и Плевной.

⁴ Статья М. Е. Саго была опубликована в «Revue des deux mondes» (1878. Livr. de 1 oct. P. 511—537) и являлась рецензией на книгу Сюлли-Прюдоме «Справедливость» (La Justice, poëme par Sully-Prudomme. Paris, 1878). Отмечая, что поэзия в настоящее время находится в стадии умирания, автор приветствовал обращение поэтов к науке как источнику вдохновения и приводил в пример некоторые стихотворения А. Шенье, в которых он прославлял научные открытия.

62

15 (27) марта 1879.

Марта 15.

Мой милый Фет,

Как я могу вас забыть? Я так давно привыкла вас любить, что если б и хотела вас забыть, это бы мне не удалось.

Увы, наш круг час от часу редеет,
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем, дни бегут,
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея

Торжествовать придется одному?
Несчастный друг, средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,
Он вспомит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...¹

Я никогда не читала равнодушно этих стихов. Что касается до ваших — они прелестны.² И, их читая, душа перевертывается, и как бы хотелось видаться чаще с теми, которые способны понять смысл вашего стихотворения!

Но их ряды час от часу редееют...

Моя племянница видела недавно в Висбадене А. Л. Бржесскую; вы ей, вероятно, посвятили ваши стихи.³ Она вас очень любит и очень желает быть у вас <в> деревне, но ее здоровье так плохо, что она не решается предпринять дальнейшее путешествие. Она говорила Нуне: «Я слышу голос моего мужа, который говорит мне: Поезжай к нему! и вот ехать не в силах».⁴ Да, одно из самых тяжелых испытаний это болезнь, т. е. вечная неволя.

Газеты нас опять потешили попыткой убийства.⁵ Полиция заодно с разбойниками, это ясно. Вероятно ли, что после того, что уже

было, один только городской встретился неизвестному молодцу? — Где же были другие городские? — Если наше правительство не примет решительных мер, скоро нельзя будет выйти безопасно на улицу. — Таких-то героев воспел Тургенев.⁶ Свои седые волосы он увенчал окровавленными лаврами и он ими гордится!

Две дамы высшего круга — г. Панина и к. Мещерская в числе арестованных лиц. Они были в связи с двумя героями из передовых, и теперь становится понятно, что слова, сказанные на ухо во дворце, передавались убийцам. Мать этих милых женщин — Мальцова — фаворитка государыни.⁷ Говорят, еще какая-то третья замешана в заговоре, но мы не знаем, кто она. — Тяжело!

Я получаю «Огонек» и отыщу ваши стихи.⁸ Кому вы отдали статью о наших финансах, далеко не блестящих?⁹

Крепко жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается на основании следующих данных: стихотворение Фета «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...»), о котором идет речь, датируется 28 января 1879 г.

¹ С. Энгельгардт приводит отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...», 1825). Этими же строками завершалась публикация воспоминаний С. Энгельгардт в журнале «Русское обозрение» (1890. Т. 6, ноябрь. С. 114).

² В письме от 10 (22) марта 1879 Фет послал С. Энгельгардт стихотворение «А. Л. Бржеской» («Далекий друг, пойми мои рыдания...»), помеченное 28 января 1879 г. Текст этого стихотворения Фет посылал также Толстому, который пришел от него в восторг (см.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 48—49).

³ Посылая стихотворение С. Энгельгардт, Фет скрыл имя адресата под криптонимом: «А. Л. Б-ой» (См.: *Фет. СПП*. С. 384). Первые стихотворение было опубликовано под заглавием «А. Л. Б-ой» в журнале «Огонек» (1879. №8).

⁴ С Александрой Львовной Бржеской и ее мужем поэтом А. Ф. Бржеским (1818—1868) Фет познакомился в 1845 г., когда служил в Херсонской губернии. После смерти Бржеского он поддерживал дружеские связи с его вдовой, предлагая ей поселиться вместе с ним сначала в Степановке, затем в Воробьевке.

⁵ Вслед за выстрелом В. Засулич в январе 1878 г. в петербургского градоначальника Трепова, а затем оправданием ее судом присяжных началась, как писал П. Л. Лавров, «открытая война между революционерами и правительством. Вооруженное сопротивление в Одессе (30 января), попытка убить Котляревского (23 февраля), убийство Гейкинга (25 мая), юридическое убийство Ковальского (2 августа), убийство Мезенцова (4 августа) и кн. Кропоткина (6 февраля) 1879 г. последовали быстро одно за другим в промежуток времени немногим более года» (*Лавров П. Л. И. С. Тургенев и русское общество // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников*. М.; Л., 1930. С. 46). 13 (25) марта 1879 г. Л. Ф. Мирский (1858—1920) сделал попытку застрелить шефа жандармов генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна (см.: *Московские ведомости*. 1879. 14 марта, № 64. С. 3).

⁶ 5 (17) марта 1879 С. Энгельгардт сообщала Фету о пребывании в феврале-марте И. С. Тургенева и о чествованиях его московским студенчеством и революционно настроенной молодежью: «Его приняли с восторгом. — За что именно? За „Дым“ или за „Новь“? — Студенты делали ему овации, должно быть, за обе повести. — Он рассказывал, что получил выговор от к. Орлова за чтение в пользу парижских русских нигилистов. Они берут у него деньги нахрапом, вот он и принужден от них отделяться чтениями. Я знаю из верного источника, что их наглость его бесит, но он не смеет им отказывать; он добывается их хорошего расположения. — Как грустно видеть, что человек пережил себя. — А талант его куда девался?» (см.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 219). 10 (22) марта Фет отвечал: «Даже обидно слышать и читать, что человек, как Тургенев, всюду заносивший <?> на языке слово *свобода*, подпал вслед-

ствии мелкого самолюбия под такое рабство — и у кого же? У грязных подонков народной жизни. Что так <ое> наши современные университеты и студенты? Непроглядная трущоба невежества — и только» (См.: *Фет. ССП. С. 384*). Г. А. Лопатин позднее вспоминал, как Тургенев оценивал прием, который ему оказали в 1879 г. в России: «Ведь я понимаю, что не меня чествуют, а что мною, как бревном, бьют в правительстве» (См.: И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. С. 126).

⁷ Возможно, речь идет о графине С. В. Паниной, внучке Анастасии Николаевны Мальцовой (1820—1894) и М. А. Мещерской (ум. 1903), дочери графини Александры Сергеевны Паниной (1800—1873).

⁸ В письме к С. Энгельгардт от 10 (22) марта 1879 г. Фет сообщал, что «сдает» свои стихи «одному милому и умному человеку — Страхову, а это он уже их печатает по своему усмотрению, где и как хочет. Писал он мне, что некоторые попадут в какой-то мне неведомый „Огонек“...» (См.: *Фет. ССП. С. 383*). В «Огоньке» было действительно напечатано несколько стихотворений Фета.

⁹ Возможно, речь идет о статье Фета «Наши корни», напечатанной в февральском номере «Русского вестника» за 1882 г.

63

4 (16) мая 1879.

Мая 4.

Мой милый Фет,

Адресуйте письмо к Гурке просто в С.-Петербург. Его Высокопревосходительству Иосифу Владимировичу Гурко-Ромейко. Говорят, что с тех пор, как он взялся за дело, в Питере успокоились.¹ Ведь никто не смел показаться на улицу. До чего дошли! Многие восстали на него за то, что он велел держать огромное число дворников, не поняли его цели. Полиция никуда не годится, вдобавок — продажная, и он сформировал новую полицию, в народе. Спасович был арестован, но ненадолго. Мне говорили, что его выпустили.²

Катков был при смерти. После страшного карбункула, от которого он еще не успел оправиться, у него поднялись боли, такие боли, что он кричал. Доктора уверяют, что у него желчные камни, а точно ли так, — Бог знает. Они вообще лечат ошупью. На днях только Катков начал понемногу заниматься. Очаровательное состояние страны приводит его в иступление, и всячески стараются его удалить на время от занятий.³

Я читала «Miss Ouragan».

Эта безумная баба все-таки лучше наших барышень. Она, по крайней мере, не стреляла в честных людей.⁴ Гаже наших — нет. Их можно сравнить только с парижскими петролезам.⁵

Цензура выбросила 9 глав из романа Сальяса, и он вышел ни то ни се.⁶ Он начал другой роман — «Мор»;⁷ содержание, по-видимому, будет серьезное. — Увидим. — Скажите, читали ли вы брошюрку Цитовича «Ответ ученым людям».⁸ Я хотела, во всяком случае, вам ее послать, но 6-е издание разобрано, и нет средства ее купить. Как он отделал нигилистов! Не только ему прощаешь цинизм выражений, но думаешь невольно, что иначе нельзя было сказать.

Я прочла в «Огоньке» прелестное стихотворение, которое вы мне прислали в последнем письме⁹ и порадовалась, что петербургский журнал печатает ваши стихи. В семье не без уroda. Должно быть, другие на него смотрят и дивятся, что собрат заговорил человеческим языком, а не мычит.

Поцелуйте за меня Марью Петровну. Все мои вам кланяются. Юрий вернулся, слава Богу, здоровый.¹⁰ В это время у нас были больные, и я сама больна теперь.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по упоминанию напечатанного в 1879 г. в «Огоньке» стихотворения Фета «А. Л. Бржеской».

¹ После покушения на Александра II 2 (14) апреля 1879 г. народника А. К. Соловьева, правительство предприняло ряд мер, среди которых было и назначение временным генерал-губернатором Петербурга И. В. Гурко, впоследствии варшавского генерал-губернатора. С каким письмом хотел обратиться к Гурко Фет, неизвестно.

² Сведений об аресте и освобождении видного либерального адвоката В. Д. Спасовича (1829—1906) обнаружить не удалось.

³ Болезнь М. Н. Каткова оказалась не опасной. С. Энгельгардт очень высоко ценила деятельность Каткова и горячо оплакивала его смерть (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 224).

⁴ О романе Марк-Монье «Мисс Ураган» (*Miss Ouragan par Marc-Monnier // Revue des deux mondes. 1879. Livr. de 15 mars. P. 240-284*) Фет писал Толстому: «Не художественно, но сильно, как задавшаяся модными фразами барыня все делает на пользу человечества шиворот-навыворот. Воспитанник ее, просвещенный ее книгами, попадает на каторгу, а тот, что бросил ее азбуку, оказался человеком настоящим и т. д.» (См.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 65).

⁵ Здесь содержится намек на процесс Веры Засулич (см. письмо 60 и примеч. 4 к нему). Петролез — от французского *petroleuse*, поджигательница.

⁶ Имеется в виду исторический роман Е. А. Салиаса «Петербургское действо», посвященный событиям переворота 1762 г. Роман печатался в 1880 г. в журнале «Русская мысль», однако С. Энгельгардт могла читать его в рукописи и знать его цензурную историю.

⁷ Речь идет о двухтомном романе Е. А. Салиаса «Мор на Москве» (позднейшее название «На Москве»), посвященном эпидемии чумы в 1771 г. Роман печатался в журнале «Огонек» в 1880 г.

⁸ 4 (16) ноября 1879 г. Фет писал Толстому: «Не успел я побывать в Одессе и потому затеял переписку с известным Цитовичем, отвечавшим любезным и замечательным письмом. Это совершенное подобие Чернышевских, Добролюбовых и т. д. Та же семинарская бесшабашность, тот же натиск, только с гораздо более солидным образованием, и в противоположную сторону. Он сам говорит, что бурса в его лице представляет как бы искупление своих грехов» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 2. С. 85). В 1878 г. профессор Новороссийского университета П. П. Цитович издал в Одессе брошюру «Новые приемы защиты общинного землевладения», в которой критиковал диссертацию некоего Посникова, защищенную в Московском университете. На защиту Посникова встал Н. К. Михайловский, опубликовавший в «Отечественных записках» цикл статей «Письма к ученым людям», первая из которых называлась «Письмо к профессору Цитовичу» (1878. № 6. С. 272—290). В том же 1878 г. Цитович издал в Одессе брошюру «Ответ на письма к ученым людям», о которой пишет С. Энгельгардт. Осудив «новое направление научной мысли», представителями которой выступали Посников и Михайловский, автор свел полемику к грубым оскорблениям нигилистов как людей безнравственных и невежественных. «Дело его правое, — писал Достоевский А. Г. Достоевской 7 ноября 1878 г., — но такого дурака я еще и не выдывал. Вот не посылай дурака защищать правое дело. Измарал! Теперь на эту тему и писать более нельзя» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1988. Т. 30, кн. 1. С. 45*). Фет высказался по вопросу об общинном земле-

владении в статье «Наши корни» (Русский вестник. 1882. Т. 157, февраль), возможно, продолжая полемику Цитовича и Михайловского.

⁹ См. письмо 62 и примеч. 2, 3 к нему.

¹⁰ См. письмо 60 и примеч. 1 к нему.

64

21 мая (2 июня) 1879.

Москва, мая 21.

Мой милый Фет,

Для меня написать письмо, в котором я не могу говорить о том, *что у меня болит*, есть настоящее мучение, — и я прошу своих друзей говорить со мной и писать ко мне о том, что у них болит. На других условиях я не понимаю ни разговора, ни переписки.

Мне очень хочется знать ваше мнение о статье Бутлерова.¹ Вопрос, который он затронул, должен интересовать всех и каждого. Вы пришли бы в негодование, если б знали, как я проклинаю философские книги.² Какую пользу принесло это книжное, ни к чему не ведущее ковырянье мозга? Я вижу последствия этих чтений на Юрии.³ Он дочитался до чертиков и уже теперь, в 25 лет, разочарован в жизни. Я знаю, что со временем все это в нем уляжется, уравнивается, но переживать пору, где все взволновано, взбаламучено, и сердце, и воображение и ум, — страшно тяжело. И что открыли философия и наука? Ровно ничего — для блага человечества. Несколько тысяч лет тому назад, в Индии разрешались вопросы, которые нас занимают теперь;⁴ — были те же Дарвины и Спенсеры и Канты,⁵ и остановились на том же пункте, не пошли далее нас. — Может быть, спиритизм пойдет далее.

В настоящую минуту Юрий хозяйничает в Казанском имени, которое мы купили два года тому назад. Он поехал туда на одну неделю и пишет, что останется там до сентября, — и слава Богу! Авось, здоровый деревенский воздух, хозяйство и охота его отвлекут от проклятого чтения. Я вполне понимаю, что вы на меня смотрите, как на невежду и на дуру, но я вам говорю о том, что у меня болит.

Как вы умно сделали, что отменили у себя школу и кабак!⁶ Наши мудрецы так хорошо устроили, что не знаешь теперь — что хуже — кабак или школа. Оба хуже. — Что касается до предводителей дворянства, — известно, как их выбирают. Самые отъявленные негодяи дадут обед, позовут на бал, — вот их и выберут. Я могу назвать многих. Сердце сжимается от боли и негодования, когда думаешь о нашем безобразии, о нашей безнравственности. Тем, которые желали бы установить другой порядок, загородили дорогу.

Передайте мой душевный поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Я давно знаю роман дочери Пушкина.⁷ Сыновья же его почти идиоты. Говорят: *les grands hommes n'ont pas de postérité*,^a и правда.

^a великие люди не имеют потомства (франц.).

Год написания письма устанавливается на основании упоминания статьи Бутлерова, напечатанной в 1879 г.

¹ Статья А. М. Бутлерова (1828—1886) «Четвертое измерение и медиумизм» (Русский вестник. 1878. Февраль) вызвала полемику в печати. В 4 и 5 выпусках «Русского вестника» за 1879 г. Бутлеров опубликовал статью «Эмпиризм и догматизм в области медиумизма», где полемизировал со своими оппонентами, отстаивая позицию человека, твердо и вполне убежденного в объективной реальности медиумических явлений.

² В письме от 10 (22) марта 1879 г. Фет сообщал С. Энгельгардт о том, что работает над переводом книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление»: «и эта тяжелая работа доставляет мне немало отрады» (Фет. СПП. С. 383).

³ Фет, вероятно, интересовался научными занятиями Ю. А. Новосильцева. В письме от 19 (31) мая 1875 г. С. Энгельгардт спрашивала, прочел ли он диссертацию ее племянника, опубликованную в «Русском вестнике» (См.: Фет. Проблемы изучения... С. 216). Диссертация Ю. А. Новосильцева была опубликована под заглавием «О правах нейтральных» (Русский вестник. 1875. Апрель. С. 415—452 и 1875. Июнь. С. 421—462).

⁴ Суждение об Индии навеяно, возможно, чтением С. Энгельгардт драмы древнеиндийского поэта Калидасы «Сакунтала», опубликованной в нескольких номерах «Русского вестника» за 1879 г. в переводе Ал. Путьяты.

⁵ Учение английского естествоиспытателя Ч. Дарвина (1809—1882) приобрело социальный характер в условиях экспансии позитивизма в 60—70-е годы XIX в. и, как и учение английского философа и социолога Г. Спенсера (1820—1903), оказало значительное влияние на формирование революционно-демократической идеологии. Философией И. Канта (1724—1804) увлекался Фет и даже собирался перевести его «Критику чистого разума».

⁶ В статье «Наши корни» Фет так выразил свое отношение к современным сельским школам и распространению кабаков в деревнях: «Теперь же в волости, рядом с пьяными, содержимыми на общественный счет арестантами, справа кабак, а слева школа с неестественным проповедником естественных наук, и вы удивляетесь, что народ не пускает туда своих детей? Честь ему и слава!» (Русский вестник. 1882. Февраль. С. 537).

⁷ Возможно, речь идет о Марии Александровне Гартунг (1832—1919), послужившей, по воспоминаниям некоторых мемуаристов, прототипом Анны Карениной Л. Н. Толстому.

2 (14) июля 1879.

Москва, июля 2.

Мой милый Фет,

Многое и многое хотелось бы мне отвечать на ваше письмо.¹ Действительно, нет мыслящего человека, который не задался вопросами: Что он? для чего? куда? — и никто не разрешил до сих пор этих мучительных вопросов.² Но возможно ли помириться с неизвестностью? До конца жизни человек старается заглянуть в другой мир, о котором он мечтает, который был ему обещан, и для меня не подлежит сомнению, что этот таинственный мир нам является иногда во сне и даже наяву. В прошлом году, ночью, от 18 на 19 февраля, я проснулась, и четыре слова «Черкасский сей час умрет»³ мне были сказаны. Как сказаны? Этого я не могу объяснить. — Я это

рассказала сестрам и моей племяннице, как только встала утром. Подобное чудо повторилось со мной три раза в жизни.

Вот вам еще пример. Женщина, с которой я была очень дружна, слышала, в продолжение двух лет, как скоро она просыпалась утром, голос, который ей говорил все то, что должно случиться с нею днем. Этому факту я была свидетельница, и никакой Кант меня не убедит, что голос этот был не что иное, как игра воображения. Приятельница моя так ему верила, что слушалась, подчинялась его советам. Смешно, не правда ли, сказать, что с ней говорил дух? — Но почему, однако, и не дух? — Кто решит? — Бутлеров не первый повторил, что есть вещи не объясненные и, по-видимому, необъяснимые,⁴ немудрено, что он остановился перед вопросом и хочет во что бы то ни стало узнать, в чем дело. Неужели человек серьезный, посвятивший всю жизнь науке, позволяет какому-нибудь фокуснику обманывать себя, как школьника?⁵ С таким предположением я согласиться не могу. И не один он занимается спиритизмом, а целое общество серьезных людей, и я решу, что они все идиоты! — Спенсер говорит: «В поверии, которое существовало всегда — есть неоспоримо доля правды». А Спенсер холодный, не увлекающийся ум; во все времена все народы верили в привидения. Сообщение с невидимым миром такая утешительная вещь, что я пожирю статью Бутлерова.

Ваши анекдоты — просто прелесть. Я вам расскажу pendant^a к ним. Третьего апреля, когда весть о спасении царя разнеслась по всей Москве,⁶ народ собрался на площади против дома генерал-губернатора, кричал «ура!» и бросал шапки в воздух. — Вдруг какое-то лицо, — какое-то пальто, — идет мимо и спрашивает: «Чему это радуются?» — Ему отвечают, чему, а он говорит: «Жаль, что дурак промахнулся». В одну секунду его схватили за волосы, за руки, за плечи, и его бы не стало, если бы не подлетел квартальный, который его освободил и повел в часть. Один мужик закричал ему вслед: «*Ведите, все-таки моей затрецины он не забудет*». Этот анекдот моя знакомая слышала от Слезкина, а мне его рассказала наша кухарка. Муж ее был действующим лицом.

Моя племянница в деревне, но я ей передам ваше поручение. Вы ей чрезвычайно симпатичны. Я уверена, что вы только дурным людям не симпатичны. Все мои посылают вам и Марье Петровне душевный привет.

С. Энгельгардт.

Говорят, Толстой пишет новый роман. Или он ему не удается, что он не в духе.⁷

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога, станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Моск. Почт. Центр. Отделение, 3 июля 1879;
2) Почт. вагон 15—16: 3 июля 1879.

^a добавление (франц.).

¹ Это письмо неизвестно.

² В предыдущем письме С. Энгельгардт высказалась отрицательно о пользе занятой философией, на что Фет, увлеченный в это время переводом Шопенгауэра, видимо, отвечал в резком тоне.

³ См. письмо 59 и примеч. 2 и 3 к нему.

⁴ См. письмо 64 и примеч. 1 к нему.

⁵ Возможно, Фету было известно опубликованное в номере от 25 января за 1879 г. газеты «Новое время» письмо И. Н. Ливчака, который опровергал опыты Цельнера, на которых основывал свои выводы А. М. Бутлеров (см. об этом: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т. 30, кн. 1. С. 268).

⁶ 2 (14) апреля 1879 г. народник А. К. Соловьев неудачно покушался на жизнь Александра II.

⁷ Л. Н. Толстой, работавший в это время над романом «Декабристы», переживал тяжелый нравственно-философский кризис, о чем Фет, постоянно переписывавшийся с Толстым, очевидно, сообщил С. Энгельгардт.

66

2 (14) мая 1880.

Москва, мая 2.

Мой милый Фет, я вас ждала к праздникам в Москву, но если вы и побывали здесь, я вас не видала. Я надеюсь, что вы приедете к открытию монумента Пушкина.¹ Приезжайте. Как хорошо, что будут праздновать его память в то время, когда нигилизм в полном разгаре! *Le roi est mort, vive le roi!*^a Мне хотелось вам прочесть прекрасное стихотворение, напечатанное в «Русской мысли». Получаете ли вы ее? Во всяком случае, я вам посылаю эти стихи, не знаю, чьи они.

ЛЖЕ БОГ

Светильник мой уныло и убого
Пред алтарем забытым трепетал,
Печальный жрец покинутого Бога,
Все верил я и все чего-то ждал.
Они же с гиком, хохотом и свистом
Вломились в Храм, как на безумный пир,
И, волю дав рукам своим нечистым,
Повергли в прах божественный кумир.
И он, мой Бог, бессилен, бессловесен,
Влачим в пыли кощунственной толпой,
В нестройный такт их богохульных песен,
О камни бил расколотой главой.
.....
И новый Бог на прежнем пьедестале
Вознес главу, могуществен и горд,
Опять огни в лампадах заблестали,
И загремел молитвенный аккорд.
Внимал народ, склоняясь в молчаньи строгом,
Лишь я стоял угрюм и одинок.

^a Король умер, да здравствует король! (франц.).

Мой прежний Бог уж не был больше Богом,
А новому молиться я не мог...²

В этом стихотворении есть необычайно грустное чувство, которое сообщается читателю.

Лорис-Меликов обратил внимание на нашу печать:³ дай ему Бог здоровья! Ориенталист Григорьев сменен человеком умным и добросовестным;⁴ Абаза не разрешит переводов ужасных французских романов Золя. «Нана» запрещена, наконец, и в подлиннике,⁵ — верите ли вы, что так называемые порядочные женщины горят желанием ее прочесть; добиваются ее у Готье?⁶ И всеми правдами и неправдами выписывают из-за границы. Как и чем объяснить такое уродство? — Мужчины мне говорили, что нельзя без омерзения заглянуть в эту книгу.

Дайте весточку о себе. Марье Петровне мой душевный привет.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железн. дорога, станция Будановка;

Почтовые штемпели: 1) Москва, 3 мая 1880;

2) Моск. Почт. Цент. Отделение, 3 мая 1880.

¹ 5—8 июня ст. ст. 1880 г. в Москве проходили торжества, посвященные А. С. Пушкину и связанные непосредственно с открытием ему памятника (работы А. М. Опекушина). Фет на праздник не поехал, прислав в ответ на приглашение стихотворение «К памятнику Пушкина» («Исполнилось твое пророческое слово; // Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик...») (См. об этом: *Кошелев В. А.* Афанасий Фет и „Пушкинский праздник“ 1880 года // *Русская литература.* 1996. № 3. С. 161—167).

² Установить автора приведенного стихотворения не удалось.

³ С 12 февраля по 6 августа ст. ст. 1880 г. граф М. Т. Лорис-Меликов (1825—1888) исполнял обязанности главного начальника Верховной распорядительной комиссии, с 6 августа 1880 г. по 4 мая 1881 г. был министром внутренних дел. Призванный содействовать укреплению государственного строя России в период обострения революционного движения, Лорис-Меликов должен был выполнять двойную функцию — ужесточить проправительственные меры, в том числе усилить цензуру и, с другой стороны, смягчить слишком прямолинейную политику правительства, укреплявшую ряды оппозиции. Время его деятельности получило название «диктатуры сердца» и не оправдало возлагаемых на него надежд.

⁴ Григорьев В. В. (1816—1881) — ученый-востоковед, профессор Петербургского университета, в 1874—1880 гг. был начальником Главного управления по делам печати. Кличка «Биограф-ориенталист» закрепилась за ним с тех пор, как под таким названием появился памфлет Н. Ф. Павлова (*Русский вестник.* 1857. № 6), поводом к которому явилось выступление Григорьева в печати против Т. Н. Грановского. С апреля 1880 г. по декабрь 1881 г. Главное управление по делам печати возглавлял Н. С. Абаза (1839—1901).

⁵ На самом деле роман Э. Золя «Нана» (1880) был запрещен сначала в подлиннике, то есть во Франции, а затем в России.

⁶ Книжная лавка Готье торговала книгами, поступавшими из-за границы.

7 (19) февраля 1881.

Москва, февраля 7.

Мой милый, не знаю, как вас благодарить за балладу.¹ Я прочла ее сейчас же брату, который поручил мне поздравить вас с переводом, — и рассказать, что он видел в Баварии знаменитую скалу и развалины замка, где пиروвал король.

Вот вам мой совет: напечатайте теперь же «Фауста».² Перечитывая его в печати, если вы найдете необходимым сделать какие-нибудь изменения, кто вам мешает напечатать второе издание через год или два года? Нет сомнения, что вы не переделаете то, что было написано в *счастливые* минуты. Попробуйте переделать такие вещи — вы их испортите; очень может быть, что вы ничего не переделаете, тем лучше! и с Богом, печатайте «Фауста». Для чего откладывать? Вы доставите великое духовное наслаждение тем, кто не знает немецкого «Фауста». Я знаю, что я читала несколько переводов;³ и забывала драму, как скоро закрывала книгу; — почему же нибудь те сцены, которые вы прочли, врезались в моей памяти.⁴ Я не теряю надежды на будущее. Грязные ручьи, которые затопили нашу литературу, стекут в водосточные ямы, и их заменит живая вода поэзии; баллада «Фауста» переживет мочальным хвостом.⁵ Смерть Достоевского доказала, что нравственное чувство не вымерло в нашем обществе.⁶ Об нем искренно жалела и молодежь, а он был, говорят, душа человек, и его чтение о Пушкине прошедшим летом показало, насколько он любил и ценил его.⁷ — Жаль, что он осквернил свой последний роман грязными страницами. В этом романе много натяжки, но есть и хорошие вещи.⁸

От всей души жму вашу руку и благодарю еще раз за прелестную балладу.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железн. дорога. Станция Будановка. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Моск. Центр. Почт. Отд., 10 февраля 1881; 2) Москва, 11 февраля 1881.

¹ В письме от 5 (17) февраля 1881 г. Фет, откликаясь на просьбу С. Энгельгардт, прислал ей текст баллады «Жил в Фуле король, до могилы...», которая впервые была опубликована в кн.: Фауст. Трагедия Гете / Пер. А. Фета. М., 1882. Ч. 1. С. 184—185.

² После завершения работы над переводом основного труда А. Шопенгауэра, Фет осенью 1880 г. принялся за перевод «Фауста» Гете. 1-я часть вышла в типографии А. Гатцука в 1882 г., вторая — там же, в 1883 г. Вторая часть была снабжена обширными Предисловием и комментариями, где Фет не только выразил свое понимание трагедии Гете, но и общие основы своей эстетики (См.: Фет А. А. Предисловие и комментарии ко II-й части «Фауста» Гете / Публикация Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: Сб. научных трудов. Курск, 1996. С. 50—151).

³ До Фета «Фауста» (в основном, 1-ю часть) переводили Э. Губер, М. Вронченко, А. Струговщиков, Н. Холодковский и др.

⁴ После безуспешных попыток договориться с Толстым о чтении «Фауста» в Ясной Поляне, Фет предложил почитать свой перевод сестрам Энгельгардт. В письме от 5 (17) февраля 1881 г. он благодарил их «за протянутые руки помощи моему „Фаусту“» и подробно излагал свою концепцию перевода и самого произведения (См.: *Фет. СПП*. С. 387—390).

⁵ «Мочальным хвостом» Фет называл тенденцию, привносимую в художественное произведение.

⁶ Похороны Ф. М. Достоевского, скончавшегося 28 февраля ст. ст., привлекли большое количество народа.

⁷ В связи с обсуждением речей И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского в июне 1880 г. между Фетом и его корреспонденткой возник спор о «народности» в искусстве, отраженный в письмах С. Энгельгардт от 18 (30) июня, 30 июня (12 июля) и 18 (30) августа 1880 г. (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 219—222) и в письме Фета от 14 (26) июня 1880 г. (См.: *Фет. СПП*. С. 384—387). Речь Достоевского не удовлетворила Фета (см. об этом: *Генералова Н. П.* Комментарий к одному «Стихотворению на случай» А. Фета // *Русская литература*. 1996. № 3. С. 177—178).

⁸ Речь идет о романе «Братья Карамазовы», печатавшемся в журнале «Русский вестник» в 1879—1881 гг.

5 (17) мая 1881.

Москва, мая 5.

Мой милый Фет,

Вы ждали от меня письма, а я от вас. С тех пор, как я вам послала записку С. П. Катковой и объявила вам о женитбе моего племянника,¹ я не получила от вас ни одной строки и боялась, уж не занемогли ли вы. Наши письма часто пропадают; в Смоленск, н<a>п<ример>, мы их посылаем не иначе, как заказными. Я начинаю думать, что мы заподозрены полицией в политическом преступлении, и это меня не удивит; зато Гартманы, Желябовы, Перовские гуляют на просторе по России.² Вот вам курьезный анекдот: два года тому назад Юрий провел три месяца в нашем казанском имении и писал аккуратно два раза на неделе. Однако, мы получали редко его письма и несколько раз посылали депеши, чтоб узнать, здоров ли он. — Прошедшей осенью сенатор Ковалевский³ и Петр Федорович Самарин⁴ ездили в Казань ревизорами и после этого слетел Скрятин, казанский губернатор.⁵ Самарин нашел в его бумагах донесение чистопольского исправника и сообщил нам. — Честь имею донести вашему превосходительству, что у нас недавно поселился молодой человек, Новосильцев; лицо очень подозрительное, слежу за ним. Встает рано, объезжает поля, ни с кем не знакомится, читает много и пишет. Главный центр переписки Москва, два письма отправил в Париж, одно в Варшаву. Камердинер его тоже малый шустрый, молодой. Несколько писем перехватил и посылаю вам.

Не думайте, чтоб я для форса прибавила хоть одно слово.

Шустрый камердинер, между прочим, спал и пил с утра до ночи, и мы его прогнали.

Вы могли убедиться, что ваше стихотворение так понравилось, что его напечатали в «Русском вестнике». ⁶ Напишите, пожалуйста, авось, письмо до меня дойдет.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железн. дорога. Станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 6 мая 1881;

2) Моск. Центр. Почт. Отд., 6 мая 1881.

¹ Это письмо С. Энгельгардт и приложенная записка С. П. Катковой до Фета не дошли.

² Л. Н. Гартман (1850—1908), А. И. Желябов (1851—1881), С. Л. Перовская (1853—1881) — организаторы и участники покушений на Александра II, завершившихся убийством царя 1 марта 1881 г. Активные деятели партии «Народная воля». Ко времени написания письма двое из них — Перовская и Желябов — были казнены по приговору суда, Гартман, участник подготовки взрыва императорского поезда на Московско-Курской железной дороге в 1879 г., стал эмигрантом, заграничным представителем «Народной воли». Арестованный в Париже в 1880 г., не был выдан русскому правительству благодаря заступничеству В. Гюго и радикальной прессы.

³ Речь идет о М. Е. Ковалевском.

⁴ Самарин П. Ф. (1830—1901) был уездным предводителем дворянства в Тульской губернии.

⁵ Причин, по которым был снят казанский губернатор, выяснить не удалось.

⁶ Стихотворение Фета «День искупительного чуда...» (более позднее название «1 марта 1881») было напечатано в апрельском выпуске «Русского вестника» за 1881 г. (с. 726). Написано вскоре после убийства Александра II. Это же стихотворение было напечатано в № 100 «Московских ведомостей» от 10 апреля 1881 г. Автограф находится в письме к С. Энгельгардт от 27 марта ст. ст. 1881 г. (коллекция М. С. Лесмана). В этом письме содержится оценка Фетом общественной ситуации в России до и после покушения на Александра II: «Не физическая болезнь заставила меня молчать некоторое время, а та тоска, в которую повергли меня все бессмысленные факты, от которых рябит в глазах <...> Возможно ли забавляться такими детскими игрушками, как караулы застав, обыски там, где каждая редакция, каждая школа, каждый чиновник — гнездо и сосуд коммунизма? <...> Где же им бороться с иноземной революцией, снабженной миллионами, когда они не могут управиться у себя под носом с конторкой журнала или неумытой и нечесаной толпой нищих студентов <...> Неужели целую огромную империю могут запугать и разрушить несколько негодяев? — Что может быть обидней такой мысли. — А кто виноват? Увы, наше собственное невежество и непонимание». Здесь же Фет просил прочесть свое стихотворение «Многоуважаемой Екатерине Владимировне» (Новосильцевой) и беспокоился по поводу того, что посланное им Каткову стихотворение не появляется в печати.

12 (24) мая 1881.

Москва, мая 12.

Мой милый Фет,

Я послала вам сегодня открытое письмо, полагая, что закрытое опять пропало; но наконец сегодня же получила ваш ответ. ¹ Юрий

женится на к. Щербатовой. Ее отец был Московским головой.² Мы не могли бы сочинить жены милей, добрей, умней для Юрия, и не могу вам сказать, как за него рады. Оба так влюблены, так счастливы, что молодеешь, глядя на них.

Об ее воспитании судите сами. Никогда речи об туалетах; она одевается хорошо, но чрезвычайно просто; ее приучили к хозяйству и до ее помолвки у нее не было ни одной золотой вещицы. Зато князь ей дает в приданое 8 тысяч десятин земли в Тамбове. Она очень набожна. Надо ее видеть с братом; она за ним ухаживает, как самая нежная дочь. Господь Бог нам послал нам такое сокровище не по грехам нашим, а по милосердию своему. — Свадьба будет в июле: прямо из-под венца они поедут на месяц в Епифанское имение, которое брат отдал Юрию: она хочет видеть место, где он родился. На осень они поедут за границу; Юрий еще не вполне отделался от болгарских болячек.³ По возвращении в Россию они поселятся в Тамбовском имении, и он будет служить. На ком же вы думали, что он женится? Скажите, пожалуйста.

Я вам послала листки для народа⁴ и забыла о том сказать. Что касается до записки Катковой, она была адресована мне; дело шло о вашем чудесном стихотворении.⁵ В тот день, когда вы мне его прислали, Софья П<етровна> была у меня; я ей прочла ваши стихи; тут были и другие гости, и все пришли в восторг, кроме одного дурака. Я сказала Катковой, что стыдно не печатать такое стихотворение и украшать «М<осковские> вед<омости>» виршами Майкова и Мещерского,⁶ и прибавила, что если его не напечатают сей час, я возьму на себя послать его в «Русь». Так по этому поводу она мне и писала, что стихотворение напечатают непременно, но оно затерялось в бумагах Каткова.

Каткова выписали в Петербург. Он прожил целую неделю в Гатчине и еще не вернулся в Москву.

Жму вам руку и кланяюсь Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Сестра⁷ поручает мне вам сказать, что ваше стихотворение прекрасно. Маша Щербатова рисует замечательно хорошо. Она списала несколько акварелей из коллекции Дмитрия Петровича.⁸

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железн. дорога, станция Будановка.

Почтовый штемпель: Москва, 13 мая 1881.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² Речь идет о Н. А. Щербатове, который в 1857—1860 гг. был гражданским губернатором Москвы.

³ См. письмо 60 и примеч. 1 к нему.

⁴ О каких листках для народа идет речь, не ясно.

⁵ См. письмо 68 и примеч. 1 и 6 к нему.

⁶ Речь идет об опубликованных в «Московских ведомостях» стихотворениях А. Н. Майкова и В. П. Мещерского (1839—1914), посвященных гибели Александра II (Московские ведомости. 1881. № 98, 8 апреля).

⁷ Е. В. Новосильцева.

22 июня (4 июля) 1881.

Москва, 22 июня.

Мой милый Фет,

Меня очень огорчило неожиданное повторение вашей болезни, и какой нестерпимой болезни. Но, к счастью, ее можно вылечить единственным лечением, в которое я верю, конечно, не я одна, а вся Европа, кроме Москвы. Я говорю о массаже, или шведской гимнастике. Но в этой гимнастике вы будете играть роль совершенно пассивную, а вас будут мять всячески. — Одна дама, я забыла ее имя, но могу легко его узнать, — страдала ужасно одышкой и решилась, наконец, помимо наших милых докторов, обратиться к манерам.¹ Они ей так помогли, что она не поехала в деревню, а наняла дачу в парке, чтоб продолжать лечение. Массаж отнял бы значительную часть пациентов у московских докторов, и весьма немногие рекомендуют его. Вот вам еще один пример: тетка моя Козлова пролежала два года в постели от паралича в ногах. Кожевников, московская знаменитость, ей поставил 60! шпанских мух, прижигал ей спину горячим железом, поил всевозможными гадостями, и без малейшей пользы. Прошедшей весной купец Лямин выписал из Парижа известного Шарко² для своей дочери и за визит заплатил 10 тысяч. Тетка моя воспользовалась случаем, чтоб посоветоваться с Шарко, и он ей велел приехать в Париж, обещая, что через год она будет ходить на костылях. Она поехала, но к счастью, так устала, что остановилась в Берлине на несколько дней и послала за доктором, который ее уговорил лечиться массажем. После трехнедельного лечения она могла спускать ноги с постели, вставать без помощи и бродить около стола, разумеется, опираясь на него. У ней уже начиналась водянка на ногах. Кожевников, однако, смеется над массажем. Четыре года тому назад это чудное средство избавило меня от болей в ногах, и если я доживу до осени, то непременно буду лечиться опять от кашля и удушья.

Как я рада, что вы купили дом,³ — лишь бы здоровье мне позволило навещать вас, как в былые годы! — Вчера, прочитав ваше письмо, я перечла «Dupont—Durand»⁴ и тоже изумилась сходству этих двух друзей с нашими современными так называемыми деятелями. Очень бы хотелось прочесть ваш перевод.⁵ — Наши женихи в деревне, свадьба будет 12 июля. Брат поручает мне вам пожать руку. Он очень счастлив счастьем сына, но очень устал.⁶ От всех нас усердный поклон Марье Петровне.

С. Э.

На что вам больше 12 комнат? И какой бы дом вы ни купили, у вас будет весело и хорошо. Спешу ужасно. Племянница моя вам кланяется.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железн. дорога, станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 22 июня 1881;
2) Моск. Центр. Почт. Отделение, 22 июня 1881.

¹ Очевидно, слово «манер» образовано от франц. «manier» — трогать, ощупывать, обрабатывать, здесь — массажист.

² У популярного парижского врача-невропатолога Ж. М. Шарко (1825—1893) лечились многие знаменитости. Он разработал специальные гимнастические снаряды, душелечение и проч.

³ Летом 1881 г. Фет купил на имя Марии Петровны дом на Плющихе (Плющиха, 36, дом не сохранился) за 35 тысяч руб. и с тех пор каждую зиму Феты проводили в этом доме, весной уезжая в Воробьевку. Гостя в Кунцево на даче Боткиных, Фет случайно узнал о продаже дома на Плющихе; мать управляющего Фетов прочитала о продаже в газете и сказала Фету. Вот как вспоминал об этом Фет позднее: «Еще более странно то, что этими словами она мгновенно прищипила к моему сердцу дом, подобно тому, как к пробке прищипливают разноцветную бабочку. Помню, что и в Москве и в Кунцево я ходил раненый домом» (*Фет А. Мои воспоминания. М., 1890. Т. 2. С. 385*).

⁴ Речь идет о стихотворении любимого С. Энгельгардт Альфреда де Мюссе «Дюпон и Дюран». Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фет советовал ей перечитать это стихотворение и сообщал, что сделал его перевод. В стихотворном сатирическом диалоге Мюссе изобразил двух приятелей, встретившихся после долгой разлуки. Один из них стал социалистом и написал сочинение о будущем переустройстве вселенной, а другой — журналист — занимается очернительством всех и вся.

⁵ Перевод Фета под заглавием «Дюпон и Дюран. Диалог (Из Альфреда Мюссе)» был опубликован в «Русском вестнике» (1881. Т. 155, ноябрь. С. 352—358).

⁶ Речь идет о предстоящей свадьбе сына А. В. Новосильцева Юрия и кн. М. Н. Щербатовой.

71

3 (15) июля 1881.

Москва, 3 июля.

Мой милый Фет, благодарю вас от души за то, что вы поспешили написать мне, что вам лучше.¹ Ваши замечания о медицине изумительно верны. Доктор, который лечил Юрия от лихорадки в Ментоне,² говорил: «Нам приходится забывать все, что нам преподавали в университете; все методы лечения изменились». — Юрия вылечили теплые ванны, а я помню время, когда запрещали воду, как яд, больному, страдавшему лихорадкой. Как это ни грустно, а верно: человеку знание не дано; вы правы.

Сегодня я перелистывала в «Revue des deux mondes» статью «Idées sur le romantisme et les romantiques» (1 juillet),^{3а} между прочим,

^а «Мысли о романтизме и романтиках» (1 июля) (*франц.*).

страница об Рашели; французы решительно не способны понять искусство. Назвать Рашель попугаем — значит опозорить себя.⁴ Нет сомнения, что Samson, директор театральной школы, развил ее гениальный талант, но всякий талант требует развития; и почему другая актриса, кроме Рашели, не повторила, как попугай, его уроков? Статья между тем читается легко — un article bien fait,⁶ но во всех оценках автора убийственное отсутствие художественного чутья.

Я очень рада, что вы занялись вашим новым жильем.⁵ Без сомнения, можно устроить Воробьевку в Москве: — не пускайте к себе ненужных людей, не стесняйтесь *ни с кем и ни для кого*, вот и все. Вам будет легко так устроиться с самого начала. Для меня будет истинное наслаждение ездить к вам, как в старину, лишь бы скверное здоровье не помешало. Пью кумыс, и кашель мой значительно уменьшился.

Если вы приедете к первому сентябрю, я вам скажу, где можно дешево купить мебель и разные вещи для дома. Конечно, не всегда удается найти по случаю, что нужно, зато иногда отличные вещи достаются даром.

Передайте мой дружеский поклон Марье Петровне. Моя племянница писала в Висбаден, чтоб узнать, жива ли бедная Бржеская.⁶

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Ст. Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 4 июля 1881;
2) Моск. Почт. Центр. Отд, 4 июля 1881.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² Ю. А. Новосильцев заболел лихорадкой во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

³ Автор статьи в «Revue des deux mondes» Анри Блаз Де Бюри, говоря о творчестве французской драматической актрисы Э. Рашель (наст. имя Элиза Феликс, 1820—1858), связывал ее успех с потребностями антиромантической реакции, отказывая ей в таланте, «подобном Малибран или Мари Дорваль» (р. 33), и считал ее манеры вульгарными. В целом Де Бюри не считал, что Рашель имела влияние на развитие театра (Revue des deux mondes. 1881. Т. 46, livr. de 1 juil. P. 5—50).

⁴ Один из собеседников автора статьи высказывается о Рашели следующим образом: «Это попугай <...>, но попугай в шкуре трагической актрисы, снабженной великолепными органами, чтобы воспроизвести полученные уроки» (Ibid. P. 34). В 50-х годах Рашель гастролировала в России, и С. Энгельгардт могла сопоставить мнение французского критика с собственными впечатлениями.

⁵ См. письмо 70 и примеч. 3 к нему.

⁶ См. письмо 62, примеч. 4.

⁶ хорошо написанная статья (франц.).

I (13) августа 1881.

Москва, 1 августа.

Мой милый Фет, нельзя читать равнодушно статьи о путешествии Государя по России.¹ Кто-то его сравнил с Лудовиком XVI; да если бы несчастный Лудовик XVI внушал народу сотую долю той любви, которой пропитан русский человек к царю, — то Робеспьеры, Мараты и К^{ии} исчезли бы в несколько часов с лица земли.² — Читаешь и думаешь: «Боже мой! Что же делать? Как помочь беде? Чем сокрушить зло? — И голова идет кругом. — Кто окружает Государя? — Увы! Около него нет ни одного умного и дельного человека. — Дожди приводят всех в отчаяние. Около Москвы хлеб просят. — Одно утешительно, — кажется, Европа решила, наконец, выгонять нигилистов, которых она принимала до сих пор с распростертыми объятиями. Не честное чувство, а чувство самосохранения заговорило в ней, — все равно, лишь бы наши передовые места не нашли в так называемых образованных государствах.

Я читала в «Revue des deux mondes» «Souvenirs littéraires de M. Du Camp».³ Прелесть! Он же написал «Histoire de la Commune».⁴ Дивишься только, что такой здравый ум не задохся в обезумевшей Франции.

Скоро ли вы заглянете в Москву? Кажется, в конце этого месяца. Здоровы ли? Напишите на досуге. Все наши, брат и сестры, посылают вам усердный поклон. Князь Щербатов в деревне, и мне не удалось до сих пор передать ему ваш привет.⁵ Я уверена, что Марья Петровна очень рада покупке дома. Поклонитесь ей от меня.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 2 августа 1881;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 2 августа 1881.

¹ Речь идет о поездке по России нового Государя Александра III.

² С. Энгельгардт вспоминает о событиях Французской революции 1789—1794 гг., во время которой Лудовик XVI был казнен.

³ «Литературные воспоминания» М. Дюкана начали публиковаться в «Revue des deux mondes» с июля 1881 г., в 1882 г. они вышли отдельным изданием в 2-х т. В центре воспоминаний — Гюстав Флобер, смерть которого в 1880 г. и побудила Дюкана к написанию мемуаров.

⁴ «История Коммуны» была написана Дюканом в конце 70-х годов, впервые опубликована в «Revue des deux mondes» в 1879 г. Более позднее название: «Конвульсии Парижа» («Convulsions de Paris»).

⁵ Речь идет о Н. А. Щербатове, тесте Ю. А. Новосильцева, с которым Фет был знаком.

^a «Литературные воспоминания М. Дю Кана» (франц.).

11 (23) сентября 1881.

Москва, 11 сентября.

Мой милый Фет,

Брат находит, что ваш перевод хорош: *в виде предначертания*. Лучше нельзя перевести, так как у нас настоящего слова нет. Я бы на вашем месте написала французское выражение: *sous bénéfice d'inventaire*.^{1а}

Я больна. Переход от лета к осени очень тяжел для меня, и кашель усиливается, и одышка, и я никуда не гоюсь. Были испытания и другого рода с тех пор, как я к вам писала. Графиня Сальяс, с которой мы очень дружны,² сделала операцию рака. Она так боялась ужасной минуты, что несколько дней не отпускала нас от себя; вы можете себе представить, как это было тяжело, потому <что> главное, что ни один доктор не ручался за полный успех. Операцию сделал Склифосовский,³ мастер своего дела. У бедной графини легкие в таком состоянии, что не было возможности ее хлороформировать, как бы желали. Она не заснула и кричала ужасно. Рак вырезали в несколько секунд, но рану зашивали около часу. Графиня не могла лежать спокойно, хотя ее держали пять человек. И в том числе ее дочь, жена Гурко, которая доказала, что она недаром жена героя.⁴ Я знаю, что меня вынесли бы замертво из комнаты в ту минуту, когда Склифосовский надел фартук. Рана зажила в шесть суток, и теперь больной позволено вставать, но она слаба, хоть и совершенно счастлива, что беда миновала.

Я вполне понимаю, что вы не заехали к Толстому.⁵ Для меня единственное удовольствие в жизни — состоит в сближении с людьми, с которыми сходишься в известном отношении; тогда споры бывают очень приятны, потому что они не оскорбляют, не задевают за самую чувствительную струну.

Вы жалуетесь на грязь вашего нового дома? Да, что может быть отвратительней грязи, соединенной с претензиями на *элегантность*? А, к несчастью, у нас это сочетание нередко. До свидания.

Князь Щербатов поручил мне вам сказать, что очень тронут, что вы его не забыли, и посылает вам сердечный привет.⁶ — Передайте от нас всех поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Брат велит вам сказать, что можно бы так перевести: *sous bénéfice d'inventaire: до проверки*. А как хороша статья Тэна.⁷ Племянница моя вам кланяется.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Станция Будановка.

^а без доказательств (франц.).

Почтовые штемпели: 1) Москва, 13 сентября 1881;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 13 сент. 1881.

¹ Для чего понадобился Фету перевод, о котором идет речь, не ясно.

² Е. В. Салиас де Турнемир, писавшая под псевдонимом «Евгения Тур» (1815—1892), была хозяйкой известного литературного салона, который посещала и С. Энгельгардт с сестрами, жившими по соседству.

³ Речь идет об известном русском хирурге Н. В. Склифасовском (1836—1904).

⁴ Женой известного героя Балканской войны И. В. Гурко была старшая дочь гр. Е. В. Салиас де Турнемир Мария Андреевна.

⁵ Видимо, в не дошедшем до нас письме Фет сообщал, что на пути из Москвы в Воробьевку решил не заезжать к Толстому в Ясную Поляну. К этому времени отношения с Толстым стали у Фета натянутыми и неровными, что было обусловлено нравственно-философской эволюцией Толстого.

⁶ См. письмо 72 и примеч. 5 к нему.

⁷ Очевидно, имеется в виду изложение книги Тэна «Революция» в рецензии «Русского вестника»: Победа якобинцев. Новый том Тэна о Французской революции (1881. Т. 154, июль. С. 74—100).

74

8 (20) октября 1881.

Москва, 8 октября.

Мой милый Фет,

Я все ждала хоть маленького улучшения здоровья, чтоб написать вам, но не дождалась, несмотря на прелестные осенние дни, и ждаль перестала. Будет — хорошо, не будет — что делать! Начала я лечиться массажем, и надо сказать, однако, что одышка уменьшилась.

Я наслаждаюсь чтением «Souvenirs littéraires de M. Du Camp»^a в «Revue des deux mondes». Прелесть! В последнем № «Revue» идет рассказ о том, как автор и его друзья сочиняют трагедию во вкусе Вольтера. Предлагают героине сахарной воды с флер доранжем. Я не совсем помню стихи:

Le suc délicieux exprimé du roseau
.....et fond au bord de l'eau,
Arrosé des parfums des fruits des Hespérides,
Peut-il porter le baume à vos lèvres arides?^б

Как я смеялась, и как они мне напомнили то время, когда мой французский учитель говорил:

Au lieu de dire vulgairement *contre-poison*, Voltaire a dit en vers magnifiques:

^a «Литературных воспоминаний М. Дю Кана» (франц.).

^б Прелестный сок отжатый тростника

..... и тает у края воды,

Смоченный ароматом плодов из садов Гесперид,

Может ли поднести свой бальзам к вашим иссушенным губам?

(франц.).

17 (29) октября 1881.

Москва, 17 октября.

Мой милый Фет,

Мы ждем с нетерпением и вас, и ваших статей. По тому, что вы говорите о социалистической статье,¹ мне кажется, что всякий порядочный человек должен ее понять, если, впрочем, я поняла, в чем дело. Люди с самым консервативным направлением то творят, что всякий негодяй имеет право на них указать и сказать: «вот против чего мы восстаем». Они так и делают. Брату очень хочется прочесть вашу статью, но он боится обещать, что прочтет ее в рукописи. Его нервы сильно пострадали за это время; радостные потрясения ему повредили, и чтения вслух он не вынесет.² Авошь, до тех пор поправится.

Что касается до меня, я еще далеко не поправилась, но массаж мне приносит видимую пользу. К сожалению, он не действует на кашель, а в октябре кашель трудно уговорить, но я все-таки надеюсь, что мне можно будет выехать в карете и вас навещать, как двадцать лет тому назад. — Двадцать лет! Страшно вымолвить.

Передайте мой поклон Марье Петровне. Я и ее увижу с большим удовольствием. Как и прежде.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Станция Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 18 октября 1881;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 18 октября 1881.

¹ Речь идет, видимо, о статьях Фета «В чем первоначальный источник нашего нигилизма?» (не сохранилась) и «Наши корни», которая была опубликована в «Русском вестнике» в 1882 г. (февраль) за подписью «Деревенский житель». «Социалистической» Фет мог назвать эту статью за то, что в ней был дан глубокий анализ пагубности для экономики государства крепостного права и его влияния на дальнейшую судьбу России. В этой статье Фет высказался по многим вопросам государственного устройства, в том числе и по вопросу об общинном землевладении. См. письмо 63 и примеч. 8 к нему.

² А. В. Новосильцев был тяжело болен после перенесенного много лет назад удара; кроме того, свадьба сына Юрия сказалась на его самочувствии.

9 (21) января 1882.

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО>

Суббота.

Не могу отказать себе в удовольствии сказать вам, что я вам обязана великим наслаждением: я прочла «Фауста» *в первый раз*,¹ прочла и начала снова; кончу и опять перечту. Чем больше вчитываешься, тем больше наслаждаешься. Признаюсь вам, — я довольна собой, что не осилила других переводов, понимая чутьем, как они плохи. Брат читает «Фауста» и только дивится вашему мастерству.

С. Энгельгардт.

На открытке: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Близ Смоленского рынка, На Плющихе, в своем доме.

Почтовый штемпель: Москва, 9 января, 1882.

¹ Речь идет о книге «Фауст. Трагедия Гете / Пер. А. Фета» (М., 1882. Часть 1), которую Фет, очевидно, прислал С. Энгельгардт в первую очередь, поскольку она была среди тех, кто побудил Фета как можно скорее печатать этот перевод. См. письмо № 67 и примеч. 1—4 к нему. 31 января (12 февраля) 1881 г. С. Энгельгардт писала: «Не могу вам сказать, как я вам благодарна за чтение „Фауста“. Я желала прочесть „Фауста“ с тех пор, как начала понимать поэзию, и наконец-то, в первый раз чувствую, что я прочла несколько сцен из настоящего „Фауста“» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 222).

24 апреля (6 мая) 1882.

Москва, 24 апреля.

Милый мой Афанасий Афанасьевич,

Как же вам не стыдно, что вы мне не написали до сих пор. Вчера я посылала к вам в дом, чтобы добыть ваш новый адрес, понимая, что от вас его не дожидаться. Если в начале мая вернутся теплые дни, я поеду в Крым¹ и буду непременно в Воробьевке. Прошу вас сказать мне, на какой станции надо остановиться и откуда прислать к вам депешу с просьбой мне выслать лошадей. — Может быть, вы сами куда-нибудь собираетесь в мае. Напишите об этом обстоятельно.

Весной я была очень больна. Кашель усилился и привязалась лихорадка, такая лихорадка, что ее не осилили ни хинина, ни мышьяк, а принимала я их усердно в продолжении 6 недель. Наконец, Господь меня надоумил обратиться к гомеопату Трифановскому, и в три дня он совершенно уничтожил мою лихорадку, и кашель значительно уменьшился.

Я проведу у вас несколько дней с большим удовольствием. Если будет дождливая погода, нельзя ли вам в таком случае прислать за мной карету?

От всей души обнимаю Марью Петровну и жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется на основании того, что именно в 1882 г. С. Энгельгардт побывала в Крыму.

¹ С. Энгельгардт провела в Ялте около трех летних месяцев.

78

5 (17) мая 1882.

Москва, 5 мая.

Наконец-то я получила ваше письмо с любопытным объяснением об исправности наших железных дорог и почтовых ведомств.¹ Куда ни заглянешь — сердце радуется. — По-видимому, мне будет невозможно выехать раньше половины мая. Боюсь холодных ночей, да и из Крыма пишут, что там еще холодно. В день отъезда пришлю вам депешу.

У Галаховых нет вовсе состояния, потому-то женитьба Н<иколая> П<авловича> на вашей племяннице меня не удивляет.²

Но все-таки, по слухам, доброе семейство. Признаюсь вам, мне досадно, что эта дрянная девчонка не была жестоко наказана за ее поступок с вами.³

Нам пишут из Казанского имения, что всходы очень хороши. Вероятно, они и у вас поправятся. До свидания. Поцелуйте за меня Марью Петровну.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется на основании упоминания о предстоящей свадьбе О. В. Шеншиной и Н. П. Галахова.

¹ Это письмо Фета неизвестно.

² В августе 1882 г. племянница Фета О. В. Шеншина вышла замуж за Н. П. Галахова, будущего орловского вице-губернатора. За благословением на этот брак она приезжала в Воробьевку. Сохранилось письмо Фета к племяннице, написанное накануне свадьбы (См.: *Маричева Л. М.* Три письма А. А. Фета к О. В. Галаховой, ур. Шеншиной // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 340—341).

³ См. письмо 58 и примеч. 1 к нему.

21 июня (3 июля) 1882.

Ялта, 21 июня.

Боюсь, что мое письмо опоздает к 25,¹ дорогой Афанасий Афанасьевич. Я хочу присоединиться к вашим родственникам и лучшим друзьям, чтоб поздравить вас и Марию Петровну и пожелать вам обоим много лет безоблачного счастья.

К Марье Петровне я писала только что приехала в Феодосию. Получила ли она мое письмо?² С тех пор утекло много воды. Доктор меня выгнал из Феодосии. Там не было дождей с февраля и такая засуха, такой раздражающий нервы ветер, что мне стало хуже. Доктор там живет с <18>54 года и не помнит ничего подобного. Мы нашли около Ялты дачу, куда каждое лето приезжают больные, и за сходную цену. Сестра устроила меня и вчера уехала в Москву. Без нее мне очень скучно,³ но, к счастью, у меня книги, перо, бумага — и море ввиду. Жаль только, что нельзя подойти к самому берегу; в Ялте я гуляла с непередаваемым наслаждением на морском берегу.⁴ Какая притягивающая сила в море! Начнешь читать и забудешь о книге, смотришь вдаль.

Кумыс здесь отвратительный, не то, что в Феодосии; я не могла его пить. — Если вам вздумается написать ко мне, вот мой адрес: в Ялту, ее В<ысоко> б<лагородию> Марфе Степановне Сабининой, для передачи.

От всей души жму вам руку и обнимаю милую Марию Петровну.

С. Энгельгардт.

Не желает ли кто купить дачу в Феодосии, посылаю вам описание. Дача — прелесть. Хозяин, Котляревский, умер,⁵ и вдова его хочет его продать, чтобы избавиться от лишних хлопот. Просит она за свою дачу 30 тысяч, но, кажется, уступит за 25. Котляревский на нее потратил более 40. Если Соловьев у вас, передайте ему мой душевный привет,⁶ так же как Терезе Ивановне и Александру Ивановичу.⁷

На конверте: Московско-Курская жел. дорога. Станция Коренная Пустынь или Будановка, Его Высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину. Адрес перечеркнут крест-накрест красным карандашом и сделана надпись: «Адрес. в Крыму» неизвестной рукой.

Почтовые штемпели: 1) Ялта, Почт. конт. Тавричesk., 22 июня 1882;
2) Почт. вагон № 16, 24 июня 1882;
3) Почт. вагон № 9, 24 июня 1882.

¹ Из-за летней страды и других обстоятельств семейное празднество было перенесено на 29 июня: 25-летие супружеской жизни Феты должны были отмечать 16 августа ст. ст., так как именно в этот день 1857 г. они венчались в Париже в русской церкви.

² Письмо из Феодосии в бумагах М. П. Фет не сохранилось.

³ О какой из сестер С. Энгельгардт идет речь, установить не удалось.

⁴ Здесь, возможно, описка: речь идет о Феодосии.

⁵ Возможно, имеется в виду А. А. Котляревский (1836—1881).

⁶ Имеется в виду Вл. С. Соловьев (1853—1900), с которым Фет познакомился в начале 1881 г. Соловьев участвовал в редактировании перевода «Фауста» и бывал у поэта в доме, где с ним и могла познакомиться С. Энгельгардт.

⁷ Александр Иванович Йост был управляющим имением Фета Воробьевка; Тереза Ивановна — его мать.

80

31 августа (12 сентября) 1882.

Москва, 31 августа.

Милый Афанасий Афанасьевич,

Наконец-то я у себя дома! Давным-давно не получала я от вас строки, да и сама поленилась писать к вам из Ялты. Там невозможно ни писать, ни читать, даже думать нельзя — под палящим солнцем. Жара доходила до 48 градусов, и тоска овладевала мной до 6 часов вечера. Тогда солнце прячется за горы, и душа расцветает вдруг, как ваш кактус.¹ Я недолго жила на даче и расскажу вам при свидании, почему надо было переехать в город. У нас умеют все изгадить. Ялту содержат так отвратительно, что вонь выгоняла больных с набережной; только дня за три до моего отъезда прошел слух о приезде Гурки,² и набережную вычистили.

Здесь я продолжаю, насколько возможно, лечение, начатое в Крыму, а именно обтирания морской водой. Пока мне несравненно лучше: не знаю, как отзовется на мне осень. Погода стоит летняя.

Что ваш «Фауст»? Когда будет напечатана вторая часть?³ Когда вы переедете в Москву? — Передайте мой поклон всем вашим. От всей души жму вам руку.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 1 сентября 1882;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 1 сентября 1882.

¹ Здесь, возможно, содержится намек на рассказ А. А. Фета «Кактус», напечатанный в ноябрьской книжке «Русского вестника» за 1881 год.

² Об И. В. Гурко см. примеч. 1 к письму 63.

³ Вторая часть «Фауста» Гете в переводе Фета вышла в Москве в типографии А. Гатцука в 1883 г.

19 (31) октября 1882.

Москва, 19 октября.

Милый мой Афанасий Афанасьевич,

Как вам живется? — Где ваши молодые, то есть Александр Иванович с женой?¹ Когда услышишь о браке по любви, на сердце отлегло. Наши же молодые² устроились в деревне на всю зиму и так заняты, и хозяйством, и друг другом, и так счастливы, что надо только благодарить Бога. — Пишут, что им бы хотелось продлить день на несколько часов, не успеешь ничего сделать.

Я прочла возмутительную книгу княгини Юрьевской, изданную в Париже и подписанную «Mr Laferté, détails intimes sur l'Empereur Alexandre II, sa vie et sa mort».^{3a} Он получил, вероятно, за эту книгу, продиктованную Юрьевской, тысяч 20 франков. Она, то есть Юрьевская, стоит, разумеется, на пьедестале. С ней только Государь узнал счастье, даже комфорт. До нее он спал на жестком тюфяке, не знал даже, что такое мягкая мебель; никто не заботился доставить ему самые простые удобства жизни и т. д. Отвратительно. — На эту книгу отвечал кто-то из придворных, не знаю еще кто; ответ написан умно, сдержанно, но беспощадно и напечатан тоже в Париже.⁴ Ей от него не поздоровится. Покойный Государь завещал ей 3 миллиона, но теперешний царь нашел, что это недостаточно, купил для нее дворец и назначил пенсию во сто тысяч. Когда я об этом подумаю на ночь, от злости не могу заснуть. Не забудьте, что у ней везде дворцы, и в Ялте, и на всех петербургских дачах. Она не раз поблагодарила Государя за его милости, нет сомнения, что поблагодарит и еще.

Кстати о Ялте: она мне сделала видимую пользу. Кашель мой уменьшился, по крайней мере, наполовину. Правда, я не могу выезжать с тех пор, как установилась осень, то горло заболит, то насморк, — но главное — одышки и кашель значительно уменьшились. Не знаю, что будет дальше.

Когда вы приедете в Москву? Обнимаю Марию Петровну, а Терезу Ивановну поздравляю от всей души со счастьем сына.⁵ До свиданья.

С. Энгельгардт.

Что ваш перевод?⁶

На конверте: Московско-Курская железн. дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 19 октября 1882;
2) Моск. Почт. Центр. Отд., 19 октября 1882.

^a «Г-н Лаферте, интимные подробности об Императоре Александре II, его жизни и его смерти» (франц.).

¹ Речь идет о свадьбе управляющего имением Фета А. И. Йоста с племянницей М. П. Фет Ольгой Ивановной Шукиной.

² Молодые — Ю. А. Новосильцев и М. Н. Щербатова.

³ Точное название книги, о которой идет речь: *M. Victor Laferté. L'Empereur Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort. Genève, 1882 (Виктор Лаферте. Император Александр II. Неизданные подробности о его личной жизни и о его смерти. Женева, 1882)*. Вдохновительницей этой книги была многолетняя фаворитка, а затем, после смерти императрицы Марии Александровны, морганатическая жена Александра II кн. Е. М. Долгорукая (в замуж. Альбединская), получившая в декабре 1880 г. титул светлейшей княгини Юрьевской.

⁴ В 1882 г. в Париже вышла на французском языке небольшая брошюра под названием «Несколько слов о брошюре г. Виктора Лаферте...» за подписью «Русский из высшего света» (*Un Russe du grand monde. Quelques mots sur la brochure de M. Victor Laferté: L'Empereur Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort. Paris, 1882*). Автор брошюры сурово осуждал как В. Лаферте, так и кн. Юрьевскую за бестактность по отношению к покойному государю и к русскому народу.

⁵ См. примеч. 1 к настоящему письму.

⁶ См. письмо 80 и примеч. 3 к нему.

82

19 (31) января 1883.

Милый Афанасий Афанасьевич.

Феоктистова зовут Евгений Михайлыч.¹

Кто вас знает, тот не заподозрит вас в каких бы то ни было корыстных целях; а если бы недобрые люди и заподозрили, какое вам до них дело, продолжайте говорить прямо и честно свое мнение, как всегда.

У нас в Москве, под носом генерал-губернатора, три года тому назад, были публичные чтения, после которых одна молодая девушка сказала другой: «До сих пор меня поддерживала вера; у меня ее отняли, я отравлюсь». Что же будут читать в Полтаве!²

От всей души жму вашу руку и обнимаю Марью Петровну.

С. Энгельгардт.

Среда.

На конверте: На Плющихе, близ Смоленского рынка. Его Высокоблагородию Афансию Афанасьевичу Шеншину. В своем доме.

Почтовый штемпель: Москва, 19 января 1883.

¹ Видный общественный деятель и публицист Е. М. Феоктистов (1829—1898) был назначен с начала 1883 г. начальником Главного управления по делам печати. В связи с чем Фету понадобилось знать имя и отчество Феоктистова, установить не удалось.

² О каких чтениях в Полтаве идет речь, неясно.

10 (22) февраля 1883.

<ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО>
Четверг.

Милый Афанасий Афанасьевич,

Здоровы ли вы? Что поддельваете? Я иногда спрашиваю у себя, в Воробьевке вы или в Москве. Страшная зима меня засадила дома и все-таки я не ушла от простуды. У нас дует в пол; и только сегодня мне лучше. — Наслаждаюсь вашими стихотворениями.¹ — Скажите Марье Петровне, что я ее целую от всей души.

С. Энгельгардт.

На открытке: Близ Смоленского рынка, На Плющихе. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. В своем доме.

Почтовый штемпель: Москва, 10 февраля 1883.

¹ С. Энгельгардт откликается на присланный ей первый выпуск сборника стихотворений Фета «Вечерние огни» (дата цензурного разрешения 28 декабря 1882 г.).

84¹

26 марта (7 апреля) 1883.

26-е марта.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Весна, как и всегда, мне не сошла с рук даром, оттого-то я так долго не писала к Вам; да и теперь должна продиктовать это письмо. Я прочла вторую часть «Фауста»;² но одного раза не достаточно. Надо в нее вчитаться, вдумать, чтоб составить себе дельное понятие об ней. Связи между первой частью и второй нет никакой, по моему; по крайней мере, я напрасно ее искала. Она существует разве только в том, что Фауст ищет идеал Красоты. Он остается искателем до конца. Судите обо мне, как хотите, но можно назвать эту вторую часть «une fantaisie bizarre».³ Слово «bizarre» непереводимо. Очень мне понравилась сцена возвращения Елены в свой дворец.

Я читала с злорадством телеграммы из Лондона. Жаль только, что полиция у них ловка; слишком легко находит ящики с динамитом.³ Пусть бы великие люди взорвали половину Лондона! Подделом им! Пусть бы и Виктория⁴ взлетела на воздух, и часть Парламента, вот бы остальное поумнело, перестало бы принимать с трогательным гостеприимством наших героев.

² «причудливой фантазией» (франц.).

В это время года не видишь соседей; вероятно, Вы пишете, исключительно заняты каким-нибудь новым трудом, может быть.⁵ Теперь деревня прелестна; снег еще не сошел.

Но возрождение, весть живая,⁶
Уж есть в пролетных журавлях.

Я познакомилась с графиней Толстой,⁷ и нашла ее чрезвычайно симпатичной. Крепко целую Марью Петровну и от всей души жму вашу руку. Нуня, моя племянница, которая пишет за меня, вам обоим кланяется.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская желзн. дорога. Станция Коренная Пустынь.

Почтовые штемпели: 1) Моск. Почт. Центр. Отд., 27 марта 1883;
2) Москва, 28 марта 1883.

¹ Письмо написано племянницей С. Энгельгардт под диктовку.

² Вторая часть трагедии Гете «Фауст» в переводе Фета, с его предисловием и комментариями, вышла в 1883 г. в Москве.

³ Речь идет о событиях в Лондоне в 3 (15) марта, когда в Вестминстерском аббатстве и в редакции либеральной газеты «Times» прогремели два мощных взрыва, организованные ирландскими революционерами. По этому поводу газета «Московские ведомости» ядовито восклицала: «Итак, не в России только бывают динамитные взрывы, но и в Англии <...> почти в самом парламенте. Это постоит взрыва в Зимнем Дворце. Значит, пресловутый „правовой порядок“ ничего не обеспечивает». (Перепечатано: Русский вестник. 1883. Март. С. 399). Комментируя меры английского правительства по предотвращению терроризма, которые выразились в том числе и в организации специального полицейского отдела, так называемой жандармской полиции, та же газета писала: «Англия, почувствовав укушение отогретой ею змеи, прибегает к приемам вовсе не гармонирующим с пресловутою политической свободой, так широко толковавшейся, когда речь шла об ограничении права убежища для чужестранных политических бандитов <...>. Итак, прогресс приводит Англию к третьему отделению» (Там же. С. 401—402).

⁴ Виктория (1819—1901) — королева Великобритании с 1837 г.

⁵ 14 (26) апреля 1883 г. Фет писал Вл. Соловьеву: «Я на всех парах работаю над Горацием, и дело весьма спорится. Я так боялся эпод — по причине их формы, но теперь они у меня все за спиной <...> Теперь я зарылся по уши в прекраснейших сатирах поэта. Это образец языка, практического ума, тонкости, словом, прелесть» (См.: Фет А. А. Сочинения. В 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 323).

⁶ Строки из стихотворения Фета «Еще весны душистой нега...» (1854) приводятся в письме неточно, возможно, по вине племянницы С. Энгельгардт, писавшей под диктовку.

⁷ Речь идет о С. А. Толстой (рожд. Бахметевой, в перв. браке Миллер, 1825—1895), вдове поэта А. К. Толстого. Фет поддерживал с нею дружеские отношения, ей посвящен перевод второй части «Фауста» Гете.

27 апреля (9 мая) 1883.

Апреля 27.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Не мне принадлежит право спорить с вами с достоинствах или недостатках второй части «Фауста». Я позволяю себе только передавать вам мои личные впечатления;¹ мне кажется, что эта вторая часть очень растянута, тогда как из первой нельзя выбросить ни одного слова. В первой — на первом плане выступает личность Фауста; во второй она исчезает за массой и мифических, и не мифических лиц, потому-то при первом чтении не находишь соединяющей нити между двумя частями.

Здесь получили грустное известие о Тургеневе. Он страдает ужасно от подагры, которая поднялась в грудь, и сошел с ума. Говорят, что его отвезли в дом умалишенных. Когда он разнемогался, M<ада>m Viardot не оставляла его наедине с русскими. Одна моя знакомая навестила его, по его же просьбе, и не могла освободиться от надзора хозяйки дома. Тургенев говорил о своих последних распоряжениях и не договорил. — Какой грустный конец вообще и как ему тяжело умирать.²

Мне очень хочется прочесть статью Буренина об вас, я ж ее не достала;³ но мне сказали, что здесь какая-то лавочка, где продают старые журналы. Пошлю туда. — Поэзию убить невозможно, и как ни старалось грубое невежество отвратить от нее молодежь, она берет свое. Попадаются в журналах стихотворения, которые не пахнут некрасовщиной.⁴

Мы ждем коронацию⁵ и надеемся, что она совершится благополучно. Если бы не брат, мы не остались бы в Москве, хоть бы потому, что цены на все будут баснословные.

Прочтите в «Revue des deux mondes» (1er avril) статью Max. Ducamp «La charité privée à Paris».^{6a} Нельзя ее читать равнодушно. Обнимаю Марию Петровну и жму вашу руку.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 27 апреля 1883;
2) Москва, 28 апреля 1883.

¹ См. письмо 84.

² Диагноз, который был поставлен Тургеневу во время его последней болезни, оказался неверным, на самом деле у него был рак костного мозга. Страдая от невыносимых болей, Тургенев временам впадал в помешательство, просил яду и т. д., однако о помещении его в дом умалишенных речи не шло, за ним был обеспечен уход

^a «Частная благотворительность в Париже» (франц.).

и консультации лучших парижских докторов. Сведения, которые сообщает С. Энгельгардт Фету, циркулировали в русском обществе, относившемся с недоброжелательством к Полине Виардо. Что касается завещания, то Тургеневым было составлено несколько завещаний в разное время. Согласно последнему, полноправной наследницей всего его имущества стала П. Виардо. Благодаря Фету, посоветовавшему своей племяннице О. В. Галаховой и дальней родственнице Тургенева К. Д. Сухотиной подать прошение о выделении части наследства Тургенева (а именно Спасского-Лутовиново, что и было ими сделано) и согласно российским законам, запрещавшим иностранцам владеть недвижимостью на территории Российской империи, Сухотина и Галахова унаследовали Спасское (См.: *Фет А. Мои воспоминания*. Т. 2. С. 397). О какой знакомой С. Энгельгардт, которая навещала Тургенева, идет речь, установить не удалось.

³ Статья В. П. Буренина (1841—1926), посвященная разбору новых стихотворений Фета (сборника «Вечерние огни») появились в газете «Новое время» в № от 25 марта 1883 г. Фет писал об этой статье: «...разбор мастерской, по-моему. В такой тесной рамке он растузил дураков на славу и указал на главнейшие черты моей музыки. Видно, что человек тонко понимает дело, хотя не могу понять, как тут же он восхищается прямолинейным Некрасовым?» (письмо к Вл. С. Соловьеву от 14 (26) апреля 1883 г.; см.: *Фет А. А. Соч.* в 2-х т. Т. 2. С. 323—324).

⁴ Имя Н. А. Некрасова нередко упоминается в переписке С. Энгельгардт с Фетом как пример направления, противоположного истинной поэзии. См. письмо 60, примеч. 8.

⁵ Описание торжественной коронации Александра III см. в следующем письме С. Энгельгардт.

⁶ В статье М. Дюкана содержалась защита благотворительной деятельности церкви. «Я слишком маленький человек, чтобы решить вопрос о том, враг ли я духовства, — писал Дюкан, — но могу утверждать, что и для нации и для отдельных людей спиритуализм — жизнь, а материализм — смерть» (*Du Camp M. La charité privée à Paris // Revue des deux mondes*. 1883. Livr. de 1 avril. P. 519).

86

19 (31) мая 1883.

Москва, 19 мая.

Я только что собиралась писать к вам, как брат меня позвал и дал прочесть ваше чудесное стихотворение.¹ Оно меня несказанно обрадовало. К торжеству пережитых дней не доставало только этого музыкального аккорда. Эта коронация была блестящая победа над нашими врагами, и своими, и чужими. Журнальные статьи плохо передают все, что мы видели и слышали. У иностранцев слезы выступали на глаза; верьте этому безусловно.

Мне передавали слова одного французского: «pour se convertir à la cause des rois il faut venir dans ce pays où le souverain et la nation ne font qu'un».^a В день выезда Государь долго старался подавить свое смущение, но когда он въехал в Кремль и вошел в собор, слезы его потекли, а лицо сияло. Эту подробность передавал нам лондонский посланник граф Марнгейм, который стоял возле него. То же самое повторилось в день коронации. Народ его крестил издали; иностранцы поражены. С тех пор, как коронуются русские цари, не было такого торжества.

^a «чтобы обратиться в монархизм, следует приехать в эту страну, где государь и народ составляют единое целое» (франц.).

В день бала Долгорукова² толпа народа ждала царскую фамилию на Тверской, но Козлов³ их провез Никитской и переулками до дома генерала-губернатора. Государь, увидав народ, который его напрасно ждал, вспылит и сказал, что он никого и ничего не боится и чтоб в другой раз его бы везли прямо в толпу. — Но Козлова винить нельзя, все-таки душа не покойна. В день въезда провели нашим двором *барышню*, и провели ее два жандарма. Одна наша знакомая зовет этих барышень *третки*.

В апрельской книжке «Русского вестника» напечатана восторженная похвала поэмы или трагедии Майкова «Два мира».⁴ Или я вовсе лишена поэтического чувства или надо глубоко жалеть об испорченном вкусе наших современных критиков. По-моему, поэма Майкова из рук вон плоха. Хочу ее перечесть, попробую, может быть, сразу не оценила.

Обнимаю Марью Петровну. Сестры мои посылают и вам и ей душевный привет.

С. Энгельгардт.

Если б не мое несчастное здоровье, покатила бы к вам на недельку.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва, 20 мая 1883;
2) Москва 21 мая 1883.

¹ По случаю коронации Александра III Фет написал стихотворение «15 мая 1883 года» («Как солнце вешнее сия...»), которое было напечатано в газете «Новое время» (15 мая 1883 г.) и в журнале «Русский вестник» (1883. Т. 165. С. 294).

² По случаю коронации московским военным генерал-губернатором В. А. Долгоруковым (1810—1891) был дан бал.

³ Петербургский обер-полицмейстер А. А. Козлов сопровождал Александра III на коронацию, которая состоялась 15 мая в Москве.

⁴ Поэма А. Н. Майкова «Два мира», названная им «трагедией», впервые была напечатана в журнале «Русский вестник» за 1882 г. (№ 2) целиком. Рецензия на нее за подписью «М.» появилась в № 4 «Русского вестника» за 1883 г. под названием «Голос из Америки о поэме Майкова „Два мира“».

22 июля (3 августа) 1883.

Москва, 22 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я только что вернулась из деревни, где провела несколько недель у племянника, наслаждаясь его счастьем.¹ Выше такого счастья нет ничего в жизни. Они еще влюблены друг в друга, — ребенок прекрасный и имение прекрасное, с старинным домом и садом, с огромными лесами. Там вволю дичи, — рыба, стерляди нипочем, — словом, только живи да наслаждайся.

Но увы! Человеческая порода все испортила. Порядочный человек не найдет поддержки ни в каком честном помысле. — И у нас говорят о конституции! Хороши будут депутаты! Их надо посадить в школу, за азбуку, а не то что пустить в палату. Жалко и гадко и смешно на них глядеть.

Там я прочла вашу милую переписку в стихах с Полонским² и много читала Бальзака. — Теперь у французов нет ничего подобного, даже приблизительного. — Не слышали вы что-нибудь о Тургеневе? Где он? Неужели ему суждено умереть в доме умалишенных?³

Перед отъездом в деревню мне пришлось говорить о вашей племяннице Галаховой с человеком, который за нее когда-то заступался и верил ее клеветам.⁴ Теперь же он в ней совершенно разочарован и того мнения, что у ней нет ни ума, ни сердца, а только много хитрости. — Где ваш племянник Борисов?⁵

Обнимаю от всей души Марию Петровну и жму вам руку. — Передайте мой поклон Терезе Ивановне.⁶

С. Энгельгардт.

Что ваши переводы — подвигаются ли?⁷

Год написания письма определяется на основании упоминания переписки в стихах с Я. Полонским (1883) и упоминания о болезни Тургенева.

¹ См письмо 81 и примеч. 2 к нему.

² Стихотворение Я. Полонского «Вечерние огни» с посвящением Фету и стихотворение Фета «Я. Полонскому. В ответ» («Спасибо! Лирой вдохновенной...») были опубликованы в журнале «Вестник Европы» (1883. Т. 4, кн. 7. С. 216 и 382).

³ См. письмо 85 и примеч. 2 к нему. Отношение С. Энгельгардт и Фета к творчеству и личности И. С. Тургенева претерпело сложную эволюцию — от восторженного почитания к разочарованию в его таланте и неприятию его общественно-политических взглядов. Узнав о его смерти, С. Энгельгардт писала Фету 30 августа (11 сентября) 1883 г.: «Смерть Тургенева произвела на меня тяжелое впечатление, и не на меня одной (так в текст — *Н. Г.*), разумеется, на многих. К несчастью, я не могу обобщить слова Шиллера: смерть великий примиритель. — Нет! Когда умирает такой известный человек, как Тургенев, хотелось бы его оплакивать от всей души как художника и человека, а тут надо забыть о личности и оплакивать художника 40-х и 50-х годов. Сердце не поддается на такую гимнастику, потому-то и тяжело» (См.: *Фет. Проблемы изучения...* С. 223).

⁴ См. письмо 58 и примеч. 1 к нему. Очевидно, Фет высказал в не дошедшем до нас письме неудовольствие по поводу сплетен об О. В. Галаховой. 30 августа (11 сентября) 1883 г. С. Энгельгардт писала ему: «Если б я знала, что вы помирились с вашей племянницей, я бы вам не написала об ней то, что мне было сказано. Я понимаю вполне, что ссора — это заноза, которую вынимаешь с радостью из сердца» (там же).

⁵ В это время в поведении П. И. Борисова, сына любимой сестры Фета Надежды и его друга И. П. Борисова, стали наблюдаться странности, которые свидетельствовали о начинающемся душевном расстройстве. Как и его мать, П. И. Борисов (1858—1888) окончил свои дни в больнице для умалишенных в Петербурге. После смерти И. П. Борисова Фет стал опекуном его сына и управляющим его наследственными имениями. П. И. Борисову посвящен перевод первой части «Фауста» Гете.

⁶ Тереза Ивановна Йост, мать А. И. Йоста, управляющего Фета, жила в Воробьевке. Сам Йост к этому времени перешел на службу к Боткиным.

⁷ В 1883 г. вышел в свет том «К. Гораций Флакк» в переводе Фета, за который он в 1884 г. получил Пушкинскую премию от Академии наук.

Конец 1883.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я рада, что наконец-то напечатали вашего «Абадону»,¹ но почему поспешили на другие стихотворения? Утро, проведенное у вас, оставило мне такое хорошее воспоминание, что мне хочется повторить его как можно скорей.

Я видела вчера Катерину Серг<еевну> Бородину.² Она поручила мне вам сказать, что вы ее *несказанно* обрадуете, если *сами* пришлете ей первую часть «Фауста».³ Вторую она не понимает⁴ и, во всяком случае, ни той ни другой не читала в переводе.

Передайте Марье Петровне, что разговор Тургенева с В. Гюго был напечатан в сент<ябрьской> или октяб<рьской> книжке «В<естника> Европы».⁵ Если ей возможно достать этот разговор — она меня очень обяжет.

Посылаю и ей и вам мой сердечный привет.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается по упоминанию стихотворения Фета «Аваддон», напечатанного в 1883 г.

¹ Стихотворение «Аваддон» («Ангел, и лев, и телец, и орел...») было напечатано в «Русском вестнике» (1883. Т. 167, С. 734).

² См. письмо 54, примеч. 4.

³ См. письмо 76 и примеч. 1 к нему.

⁴ См. письмо 84 и примеч. 2 к нему и письмо 85.

⁵ Очевидно, имеется в виду известный анекдот, который любил рассказывать Тургенева, вспоминая свой разговор с Гюго, объявившем себя ненавистником Гете. «„Что такое Гете? Что написал он? Единственная вещь — „Валленштейн“ — и только.. Я скромно замечаю: „Mon maître, „Валленштейн“ — ведь произведение Шиллера, а не Гете“. „Ну да, да, это безразлично: он мог написать такую вещь..». Этот разговор воспроизводился в разных вариантах в воспоминаниях современников Тургенева, например, в статье «И. С. Тургенев на вечерней беседе в Петербурге 4 марта 1880» (Русская старина. 1883. № 10. С. 208—209). В «Вестнике Европы» этот эпизод обнаружить не удалось, возможно, С. Энгельгардт перепутала название журнала.

24 мая (6 июня) 1884.

Мая 24, Москва.

Брат мой скончался 18 числа¹ после двухмесячной тяжелой болезни. Я еще не могу опомниться, сердце мое разбито. Не знаю, когдаoberусь с мыслями, чтоб написать к вам.

Не забывайте меня.

С. Энгельгардт.

Датируется на основании даты смерти А. В. Новосильцева.

¹ См. письмо 51 и примеч. 4 к нему.

2 (14) июня 1884.

Москва, 2 июня.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Благодарю вас за ваше душевное письмо.¹ Более чем когда-нибудь я дорожу участием и дружбой близких людей. Вы знали моего брата и ценили его. Да, он страдал, как мученик, и с геройским терпением. У него сделалось воспаление в больной ноге, и ему <?> раза пускали кровь, чтоб освободить его от жестких болей, — и он скончался от слабости. Кончина была тихая. Спокойное выражение лица поражало всех. — Он предвидел свою смерть и писал — исподволь — все свои распоряжения, до мельчайших подробностей. — Мы ему посвятили 20 лет жизни² и, насколько возможно, успокоили его. В последнее время все его дети окружали его и днем и ночью. Он хотел, чтоб его похоронили в деревне, у любимого сына.

Я поняла, что вы думаете о нашей будущности, она уже решена. — Мы наняли квартиру в 9 комнат, на Спиридоновке — в этом доме — у Мейснера, 19 — и, кроме расходов, здесь на каждом шагу сердце разбито. Состоянием будет управлять Юрий. — Он для нас не племянник, а родной сын. Переберемся мы на новое жилище не раньше 20 июля, а теперь поедем к Троице. Наша хорошая знакомая Аксакова там живет постоянно, но на лето едет в деревню и предлагает нам свою квартиру, разумеется, без платы. Если вы напишете ко мне, адресуйте письмо: Троицкий Посад, дом Конькова, на квартире А. С. Аксаковой.

Когда я еще могла читать, я наслаждалась вашим переводом Го-рация.³ Я так люблю античную простоту и спокойствие, а вы их передаете чудесными стихами. Когда отдохну, примусь опять за это чтение. Жаль вашего несчастного племянника — и вас жаль.⁴

Обнимаю Марию Петровну.

С. Энгельгардт.

Год написания письма определяется по упоминанию о смерти А. В. Новосильцева в 1884 г.

¹ Это письмо Фета не сохранилось.

² В 1864 г. у А. В. Новосильцева случился удар, от которого он не оправился до конца жизни.

³ См. письмо 87, примеч. 7.

⁴ См. письмо 87, примеч. 5.